

Монтегю Ивен Montagu Ewen

Человек, которого не было

«Военная литература»: militera.lib.ru

Издание: Монтегю И. Человек, которого не было. — М.: Воениздат, 1960.

Оригинал: Montagu E., The Man Who Never Was. — London: Evans Brothers Limited, 1953.

Книга на сайте: <http://militera.lib.ru/memo/english/montagu/index.html>

Книга одним файлом: <http://militera.lib.ru/memo/0/one/english/montagu.rar>

Монтегю И. **Человек, которого не было** / Сокращенный перевод с английского Э. Медниковой и А. Юровского). — М.: Воениздат, 1960 г.

≡ Montagu E. **The man who never was.** — London, 1956. ≡ Montagu E., **The Man Who Never Was.** — London: Evans Brothers Limited, 1953.

Аннотация издательства: Книга «Человек, которого не было» посвящена одной из операций английской контрразведки, предпринятой с целью дезинформации гитлеровского командования относительно подлинных районов высадки англо-американских войск в бассейне Средиземного моря. Автор книги, в период войны служивший в разведывательном управлении английского Адмиралтейства, подробно рассказывает о подготовке и осуществлении этой операции, а также о достигнутых результатах. По утверждению автора, ложные документы, составлявшие основу операции и хитроумным способом подброшенные гитлеровскому командованию, обеспечили внезапность высадки англо-американских войск в Сицилии и предопределили исход всей борьбы за остров. Книга приподнимает завесу над тайной деятельностью английской контрразведки в период второй мировой войны и дает представление о приемах и методах работы ее дезинформационной службы. Книга рассчитана на широкий круг военных читателей.

Содержание

[Предисловие к английскому изданию От автора](#)

[1. Возникновение идеи](#)

[2. Предварительные справки](#)

[3. Операция «Минсмит»](#)

[4. Важное письмо](#)

[5. Майор Мартин из королевской морской пехоты](#)

[6. Создание личности](#)

[7. Майор Мартин собирается на войну](#)

[8. Путешествие на север](#)

[9. Спуск тела](#)

[10. Майор Мартин прибывает в Испанию](#)

[11. Наводим порядок в Англии](#)

[12. Немецкая разведка играет свою роль](#)

Предисловие к английскому изданию

Обман противника всегда был одним из основных принципов ведения войны. К «ruses de guerre»{1} прибегали почти во всех военных кампаниях, начиная с Троянской, а может быть, и раньше.

В эту «игру» играют так давно, что придумывать новые методы, чтобы скрыть свои силы или намерения, стало нелегко. С другой стороны, дезинформационные разведывательные мероприятия должны разрабатываться и проводиться в жизнь со всей тщательностью и осторожностью, иначе, вместо того чтобы обмануть врага, вы раскроете свои секреты.

Когда было решено начать после захвата Туниса вторжение в Италию через Сицилию, мы восприняли это как естественное следствие Североафриканской кампании и были уверены, что противник, предвидя вторжение, сосредоточит свои силы для отражения удара. Что можно было сделать, чтобы спутать его расчеты?

Я очень хорошо помню, как однажды вечером мне принесли план так называемой отвлекающей операции, которая впоследствии получила кодовое наименование «операция Минсмит». Сознаюсь, я немного сомневался в успехе этого плана, однако познакомил с ним членов Комитета начальников штабов. В принципе он был ими одобрен. Затем капитан-лейтенант Монтегю, автор этого плана, и его коллеги принялись за дальнейшую разработку операции.

В самых фантастических мечтах нам не мог пригрезиться успех, которым увенчалась «операция Минсмит». Заставить немцев распылить свои силы и даже отвести боевые корабли из района самой Сицилии — поразительное достижение! Десантники, высадившиеся в Сицилии, а также их семьи должны быть благодарны тем, кто разработал и осуществил «операцию Минсмит».

Не часто случается, что секретную операцию, да еще в изложении человека, который знает все подробности, можно сделать достоянием публики. Лица, изучающие военную историю, должны радоваться возможности ознакомиться, словно по учебнику, с примером работы в одной из специальных отраслей военного искусства. Другие получают удовольствие от чтения этой подлинно приключенческой повести, которая еще раз доказывает правильность утверждения, что правда бывает фантастичнее любого вымысла.

Генерал-лорд ИСМЕЙ

Париж, 7 июня 1953 года

От автора

Это правдивый отчет об одной разведывательной операции, проведенной в 1942–1943 годах. Те сведения, которые мне не были известны, взяты из секретных документов и докладов, а не основываются на чьих-либо воспоминаниях о минувших событиях или заявлениях, имеющих целью, как это часто бывает, оправдать собственные действия или действия своих помощников.

Я, естественно, не мог ни говорить, ни писать об «операции Минсмит», пока слухи о ней и ссылки в немецких военных мемуарах на некоторые документы, составляющие основу операции, не показали, что хранить тайну дальше уже невозможно. Это было признано, и я получил официальное разрешение опубликовать известные мне подробности.

Операцию осуществили люди, имена которых, к сожалению, назвать нельзя, так как некоторые из них все еще находятся на государственной службе. Поэтому мне пришлось заменить подлинное имя вымышленным — Джордж. Я должен также сохранить тайну личности «майора Мартина». Что касается других упомянутых мною лиц, то я называл титулы и звания, которые они носили в то время.

Я должен выразить благодарность лорду Исмею за помощь, оказанную мне в 1942–1943 годах, и за предисловие к этой книге, а также Джеку Гарбуту из «Санди экспресс» за его мудрые советы, которые помогли мне в этом первом моем путешествии в сферу писательской деятельности.

Уоррен-Бич, Болье, 1953

Ивен МОНТЕГЮ

1. Возникновение идеи

На кладбище испанского городка Уэльва похоронен английский гражданин. Умирая на родной земле поздней осенью 1942 года, он не подозревал, что после смерти ему отдадут воинские почести и навсегда оставят под солнечным небом Испании. Не думал он также, что уже мертвым окажет союзным войскам услугу, благодаря которой многие сотни англичан и американцев останутся в живых. Он был скромным гражданином своей страны и при жизни не сделал ничего выдающегося, но после смерти «совершил» то, что удастся сделать лишь немногим за всю их трудовую жизнь.

Все началось с совершенно фантастической идеи Джорджа. Он и я были членами небольшого межведомственного комитета, который еженедельно собирался для обсуждения вопросов о сохранении в тайне намечаемых военных

операций. Мы обменивались сведениями, полученными из различных источников — от наших собственных служб и других органов в Англии, из нейтральных государств, а также из донесений разведчиков, находившихся в неприятельских странах. Располагая, кроме того, самой последней информацией о намерениях союзников, мы должны были предупреждать «утечку» военной тайны и предугадывать действия вражеской разведки.

Это нелегкая задача. Но комитет был подобран хорошо. Он состоял не только из знающих и опытных кадровых офицеров, но также из офицеров запаса и гражданских лиц, работающих в самых различных областях. Это была смешанная компания, но зато мы могли квалифицированно рассматривать любые данные и с любой точки зрения. Все вместе мы располагали запасом весьма разнообразных знаний, и на свете существовало не много сфер деятельности, с которыми хоть один из нас не был бы связан.

Джордж высказал свою идею во время обсуждения одного донесения, полученного из оккупированной Европы. Мы пытались, как всегда, выяснить, подлинный ли это документ или его сфабриковали и подсунули союзникам немцы. Джордж обладал чрезвычайно изобретательным умом, и обычно его фантастические и хитроумные предложения оказывались настолько сложными, что не могли быть осуществлены. Но иногда его идеи были совершенно блестящи по своей простоте.

Пока мы раздумывали над тем, подлинное это сообщение или немцам удалось схватить нашего агента и послать донесение от его имени, Джордж вспомнил недавний приказ, который запрещал нашим офицерам, имевшим при себе секретные документы, пользоваться самолетами, если они могли быть сбиты над вражеской территорией. Заговорив об этом, Джордж вдруг предложил в целях проверки подлинности подобных донесений каким-нибудь образом заставить немцев сообщить нам что-либо заведомо ложное и таким путем выяснить, как они действуют.

— Если мы перебрасываем рацию для участников Сопротивления во Франции, — говорил Джордж, — и она начинает работать, то трудно сказать, кто передает сообщения — немцы или дружественно настроенный француз. Но если сбросить рацию с мертвым телом, прикрепленным к полураскрытому парашюту, задача проверки будет облегчена. Француз, несомненно, сообщит нам о случившемся, тогда как немцы скроют это и будут пользоваться приемопередатчиком, как будто наш агент жив. Конечно, подобный трюк может и не удался, но вся инсценировка не потребует больших усилий, и, честное слово, стоит попробовать! Слушайте, кто из вас знает, где можно достать мертвое тело? — спросил он в заключение.

Это была не лучшая его выдумка, и мы быстро разбили Джорджа: агенты не берут с собой коды и другие материалы, необходимые для передач; отсюда — каким же образом немцы смогут вести передачи? Дальше, когда парашют отказывает, груз, несомненно, сильно ударяется о землю. Значит, у труп

обязательно должны быть сломаны конечности, должны быть ушибы и царапины, а установить, когда причинены повреждения — до или после смерти, — довольно легко. Поэтому тот, кто найдет тело, очень скоро поймет, что «парашютист» умер еще до того, как упал на землю. Затем, даже если мы достанем труп (правда, никто из нас не был в этом полностью уверен), то это должен быть труп человека, умершего при падении с высоты. Последнее обстоятельство невероятно осложняло задачу.

Нет, предложение Джорджа явно провалилось. И мы вернулись к нашему донесению из Франции — подлинное оно или нет?

Однако через несколько месяцев эта фантастическая идея принесла плоды.

В начале лета 1942 года наш комитет был занят своей первой большой работой. Готовилась «операция Торч» — вторжение в Северную Африку, и опыт, который мы приобрели ранее, обеспечивая сохранение в тайне операций небольшого масштаба, теперь проходил полную проверку.

Мы понимали: скрыть от противника, что затевается какая-то операция, невозможно. Во-первых, каждому было ясно, что союзники не будут сидеть сложа руки, ведь где-то вторжение должно начаться. Во-вторых, нельзя уберечься от иностранных дипломатов. Они ездят по всей стране, встречаются и разговаривают не только с лицами, посвященными в наши планы, но и с теми людьми, которые не могут не видеть скопления судов или войск перед отправкой. И какой бы ни была официальная точка зрения, наш комитет не питал иллюзий относительно «нейтральности» отдельных членов дипломатического корпуса. Кроме того, даже проанглийски настроенный дипломат должен делать свое дело — он обязан сообщать своему правительству обо всем происходящем здесь, в Англии. А когда этот доклад попадает в его страну, нет никаких сомнений, что там найдется хотя бы один чиновник или министр, уже подкупленный или по крайней мере идеологически подготовленный к передаче сведений немцам.

В-третьих, имеются «нейтральные» бизнесмены и моряки, регулярно совершающие рейсы между Англией и континентом. Поэтому мы не могли надеяться, что нам удастся скрыть от немцев сам факт подготовки операции. Зато в наших силах было скрыть самое важное — когда и где она начнется.

До вторжения в Северную Африку союзников ничто не связывало, и они могли нанести удар в любом месте. Немцы вправе были думать, что мы можем высадить десант в Норвегии, в Голландии или во Франции, попытаемся развернуть наступление через Испанию, захватить Канарские или Азорские острова, чтобы облегчить борьбу с подводными лодками, высадиться в Ливии и нанести удар по армии Роммеля с тыла. Если не считать Египта, то мы были свободны в выборе направления удара и могли произвести высадку в любом месте оккупированной немцами Европы, в любой нейтральной стране.

В таких условиях от нашего комитета требовалось одно — скрыть от противника объект удара и дату начала операции. Это означало, что нам нужно организовать «утечку» ложных сведений о якобы намечаемых объектах действий и подкрепить эти сведения каким-нибудь документом, скажем заявкой на тропические шлемы для некоторых наших частей, когда на самом деле они будут готовиться к высадке, например, на Лофотенские острова{2}.

Наряду с этим мы должны были принять все меры для предотвращения, насколько это возможно, «утечки» подлинно секретной информации, которая неизбежно просачивалась из Англии.

Другими словами, требовалось обеспечить сохранение в тайне намерений союзников и одновременно добиться того, чтобы «утечка», которая все же могла произойти, несмотря на принятые меры предосторожности, не выдала наших истинных намерений. Когда готовилась «операция Торч», мы действовали именно так. И по мере изучения донесений нашей разведки, узнавая о шагах, предпринимаемых немцами, мы убедились, что принятые нами меры оправдывают себя: противник не знал, где мы нанесем удар.

Однако после «операции Торч» проблемы, с которыми нам предстояло столкнуться, были совершенно иными. На этой стадии войны в руках союзников находилось все североафриканское побережье, и они готовились ударить «в мягкое подбрюшье Европы», если воспользоваться выражением Черчилля.

Наш комитет все время был в курсе стратегических планов английских и американских штабов, и ему предстояло сыграть свою роль с началом наступления. Было совершенно очевидно, что союзники, овладев всем североафриканским побережьем, не станут перевозить войска в Англию для вторжения в Европу через Ла-Манш и что по крайней мере часть этих войск будет использована для высадки в Южной Европе — в Италии, Греции или во Франции. Любая из этих операций представлялась возможной, и наш комитет должен был подготовиться действовать в соответствии с окончательным решением командования. Возможно, мы бы и справились с задачей, работая по методу, который до сих пор давал столь хорошие результаты, но стратегическая обстановка характеризовалась одной особенностью, создававшей новую проблему.

Сицилия, этот футбольный мяч на носке итальянского сапога», находится посередине Средиземного моря. Это означало, что, до тех пор пока мы не завладеем ею, наши конвои в Средиземном море будут нести колоссальные потери, причем даже тогда, когда аэродромы в Северной Африке окончательно перейдут в наши руки. Мы понимали что, прежде чем начать новую операцию в бассейне Средиземного моря, союзникам предстоит захватить Сицилию. Наш комитет всегда приступал к работе задолго до проведения операции, и мы обсуждали план мероприятий по обеспечению скрытности удара по Сицилии еще до того, как началась «операция Торч».

Мы предвидели трудности. Ведь если нам было ясно, что после Северной Африки на очередь дня встанет Сицилия, то и немцы понимали это. Как же помешать противнику усилить оборону Сицилии, если он постарается сделать это по тем же стратегическим соображениям, которые заставляют союзников готовиться к захвату острова?

Обсуждая эту проблему, мы вспомнили о фантастической идее Джорджа.

— А что, если достать мертвое тело — предложил я, — одеть его в форму штабного офицера и снабдить важными документами, из которых следовало бы, что мы собираемся высадиться не в Сицилии, а в другом месте? Нам не придется сбрасывать тело на землю, так как самолет может быть сбит над морем по пути в Африку. Труп вместе с документами прибьет к берегу Франции, либо в Испании. Лучше — в Испании: там немцам труднее будет произвести детальный осмотр тела, и в то же время из Испании они непременно получат документы или по крайней мере копии с них.

Возбужденные, мы взвешивали все возможности этого плана. Предстояло уточнить целый ряд деталей: в каком состоянии должен быть труп после авиационной катастрофы над морем; что обычно бывает причиной смерти в таких случаях; что может обнаружиться при вскрытии тела; можно ли достать подходящее тело. Вот те вопросы, которые требовали ответа в первую очередь. Если ответы будут удовлетворительными, план заслуживал того, чтобы заняться им вплотную. Никто из нас не сомневался, что испанцы, если только дать им возможность, сыграют предназначенную им роль, и тогда какие перспективы откроются перед нами!

2. Предварительные справки

Мы были уверены, что достанем тело, и в то же время прекрасно понимали, какие трудности нас здесь ожидают. Однако мы не представляли себе, как это будет трудно на самом деле. Честно говоря, к поискам трупа мы приступили без особой охоты, потому что даже в безжалостное время войны не уменьшается естественное чувство уважения к мертвому человеку. Но у нас это чувство было побеждено мыслью о том, сколько жизней можно спасти, если использовать с задуманной целью тело, которое — мы это знали — в конце концов будет погребено с почестями.

Трудность, с которой мы сразу же столкнулись, заключалась в сохранении тайны. Ведь не могли же мы пойти к родственникам умершего в час их горя и без всяких объяснений попросить разрешения забрать останки сына, мужа или брата, которого они оплакивают. А если они потребуют объяснений, что мы им скажем? В романах встречаются такие персонажи, которые готовы отдать тело своего единственного только что умершего родственника, не спрашивая, зачем его берут. Но то в романе, а в жизни?!

Сначала требовалось точно установить, какой труп нам нужен. Если немцы, по нашему замыслу, должны принять его за жертву авиационной катастрофы над морем, то надо найти такое тело, которое не имело бы признаков смерти от других причин.

Мне казалось, что к этому вопросу надо подходить с точки зрения человека, который будет производить вскрытие. Чего может ожидать патолог-анатом, вскрывая труп, прибитый к берегу после того, как самолет, на борту которого находился погибший, упал в море?

Я сразу же вспомнил о Бернарде Спилзбери. Это был очень опытный патолог, и, кроме того, я был уверен, что он сохранит доверенную ему тайну. В этом смысле между сэром Бернардом и устрицей нет никакого различия. Спилзбери обладал и еще одним, более редким качеством: я твердо знал, что он не задаст ни одного вопроса, кроме тех, ответы на которые понадобятся ему для решения поставленной перед ним проблемы. Спилзбери просто примет к сведению тот факт, что мы хотим, чтобы плавающее тело было принято за жертву авиационной катастрофы, и не станет интересоваться подробностями.

Я позвонил Спилзбери, и мы договорились встретиться в клубе «Джуниор Карлтон». Там за рюмкой хереса я рассказал ему о своем деле. После минутного размышления он дал мне одно из тех кратких и полных толкований, которые не раз убеждали присяжных и даже судей. Его совет вселил в меня надежду. Если на тело надеть спасательный жилет, мы можем использовать труп человека, который либо утонул, либо умер от почти любой естественной причины. Жертвы авиационной катастрофы над морем умирают от повреждений, полученных во время удара самолета о воду, тонут или погибают просто от отсутствия помощи в море; имеют место и случаи шока. Итак, поле наших поисков сужалось.

Мое мнение о Бернарде Спилзбери полностью оправдалось. Этот удивительный человек отвечал на вопросы, ни на минуту не давая воли своему любопытству, которое он, должно быть, все-таки испытывал. Он задал мне несколько вопросов, имеющих отношение к патологической проблеме, которую я перед ним поставил, но ни разу не спросил, почему я всем этим интересуюсь.

Теперь нам предстояло навести справки о недавно умерших людях. Мы не могли делать это открыто. При всех условиях нам следовало избегать всего того, что могло вызвать разговоры вроде: «Вы не слышали? Очень странно, такой-то спрашивал на днях такого-то, где можно достать труп». Мы приступили — к поискам с чрезвычайной осторожностью. В общем, все это выглядело почти как у Пиранделло — «шесть офицеров в поисках трупа»{3}.

Одно время мы уже серьезно подумывали, что нам придется похитить труп на кладбище, но пока у нас оставались другие пути, мы хотели испробовать их. Нам удалось навести кое-какие справки у военных врачей, которым мы могли доверять. Но как только намечалась возможность заполучить труп, оказывалось,

что либо родственники не дают согласия, либо нельзя доверять тем людям, которые, пожалуй, отдали бы нам труп своего близкого. Нередко нас не устраивала причина смерти.

Наконец, когда нам осталось только или обратиться в морги или расширить круг лиц, посвященных в тайну (а это, несомненно, вызвало бы всевозможные слухи), мы слышали о человеке, который только что скончался от воспаления легких после длительного пребывания на морозе.

В патологическом отношении труп как будто отвечал нашим требованиям. С лихорадочной быстротой мы начали наводить справки о прошлом умершего и его семейном положении. Мы убедились, что родственники сохраняют в тайне тот минимум сведений, который придется им сообщить: мы могли сказать, что цель поистине благородная и что останки будут достойно погребены, хотя и под вымышленным именем.

Согласие, за которое мы по сей день чрезвычайно благодарны, было получено при условии, что никто никогда не узнает фамилии умершего. Поэтому я скажу здесь только одно: это было тело человека лет тридцати с небольшим.

Из предосторожности я еще раз посоветовался с Бернардом Спилзбери. Он был вполне удовлетворен: воспаление легких подходило как нельзя лучше, ибо при этом заболевании в легких скапливается некоторое количество жидкости, как и в том случае, если человек умер в морских волнах. Патолог-анатом, заведомо предполагающий, что перед ним утопленник, вряд ли обнаружит во время вскрытия разницу между жидкостью в легких (которые уже начали разлагаться) и морской водой. Спилзбери закончил нашу беседу характерным для него уверенным заявлением:

— Вам нечего бояться вскрытия в Испании. Обнаружить, что этот молодой человек не утонул, сумеет лишь патолог-анатом с моим опытом, а такого в Испании нет.

Мы позаботились о том, чтобы тело хранили в подходящем холодильнике, пока мы не будем готовы использовать его.

3. «Операция Минсмит»

Теперь требовалось получить одобрение начальства. Прежде всего операции следовало дать условное наименование. За исключением названий крупных операций, которые придумывал сам премьер-министр, все наименования брались из списков, составляющихся для различных штабов. Я выяснил, какие названия значились в списке Адмиралтейства. Там я нашел слово «минсмит»{4}.

В списках оно было восстановлено недавно, после применения его в одной успешной операции. К этому времени мой юмор стал несколько мрачноватым, и

я решил, что это слово подходит. Итак, операция получила название «Минсмит».

Затем надо было решить, куда отправить тело. Взвесив все «за» и «против», я наконец выбрал городок Уэльва в Испании. В Уэльве, как нам было известно, активно действовал немецкий агент, имевший тесный контакт с испанцами — чиновниками и другими лицами. Если тело достигнет Уэльвы, все шансы за то, что бумаги и вещи умершего попадут к агенту. Даже если обстоятельства помешают этому, он сумеет достать копии документов или получит подробнейшие сведения о них и уж, конечно, предупредит свое начальство в Мадриде, которое постарается перехватить документы в более высокой инстанции. Риск заключался лишь в том, что тело и документы могли быть сразу же переданы британскому вице-консулу в Уэльве. В этом случае немецкий агент не узнал бы ровным счетом ничего. Но испанцы и немцы сотрудничали настолько тесно, что законные действия были маловероятны, и если бы нашелся испанец, который захочет поступить в соответствии с существующими законами, то, я был уверен, несколько других непременно помешают ему.

Еще одно преимущество нашего выбора заключалось в том, что город Уэльва находится не слишком близко от Гибралтара. Мы не хотели, чтобы испанцы отправили тело туда. Появление в Гибралтаре трупа офицера, в действительности не существовавшего, могло вызвать разговоры, которые, несомненно, дошли бы до многочисленных немецких агентов, получавших информацию от испанцев, посещающих Гибралтар.

В Адмиралтействе, у главного гидрографа военно-морских сил, я навел справки относительно погоды и приливов в различных точках испанского побережья во все времена года. Счастье и тут не изменило нам. Хотя приливные течения здесь проходят вдоль берега, в апреле в этом районе преобладает юго-западный ветер, и главный гидрограф считал, что «предмет», по всей вероятности, будет дрейфовать к берегу. А тело в спасательном жилете больше подвержено воздействию ветра, чем «предмет», о котором я говорил с гидрографом.

Значит, Уэльва. Мы не сомневались, что тело прибьет к берегу и впоследствии оно будет передано британскому вице-консулу для погребения. Мы были также уверены, что немецкий агент доставит все бумаги или по крайней мере копии с них верховному командованию германских вооруженных сил. Забегая вперед, скажем, что он оправдал наше доверие.

Теперь надо было подумать о средствах транспортировки. Если сбросить тело с самолета, оно, ударившись о поверхность воды, получит повреждения.

Итак, оставались три способа спуска трупа в море: подводная лодка, летающая лодка или один из кораблей, которые сопровождали наши транспорты, следовавшие вдоль испанского берега. Мы избрали подводную лодку, так как она могла близко подойти к побережью, не рискуя быть замеченной, и я

обратился за разрешением к заместителю начальника военно-морского штаба обсудить этот вопрос с адмиралом Барри, командующим нашими подводными силами. Разрешение было дано.

Адмирал Барри по достоинству оценил нашу идею и направил меня к начальнику своего штаба. Последний сказал, что «начинку» можно перевезти на одной из подводных лодок, которые более или менее регулярно ходили на остров Мальта. Эти лодки доставляли на остров важные, хотя и не слишком громоздкие, предметы. Несмотря на размеры контейнера — примерно 200 сантиметров в длину и около 60 сантиметров в диаметре, — начальник штаба считал, что его можно поместить внутри прочного корпуса подводной лодки и поднять наверх для спуска на воду через боевую рубку.

Это значительно облегчало нашу задачу, так как мы могли обойтись легким герметическим контейнером вместо тяжелого и сложного устройства, которое должно было бы выдержать давление морской воды при погружении подводной лодки. Оставалось решить вопрос, можно ли поместить тело в простейший контейнер или придется сконструировать своего рода большой термос.

Я еще раз обратился за консультацией к Бернарду Спилзбери. По его мнению, температура имеет здесь сравнительно небольшое значение, если тело, перед тем как его поместят в контейнер, будет заморожено. Важно избавиться от кислорода в контейнере, ибо кислород способствовал бы разложению. Спилзбери посоветовал поставить контейнер вертикально и наполнить его сухим льдом (сухой лед, постепенно превращаясь в углекислый газ, вытеснит воздух из контейнера), затем тело осторожно опустить в контейнер, положить вокруг сухой лед, после чего контейнер закрыть. В контейнере кислорода останется настолько мало, что, если тело подберут вскоре после спуска его на воду, оно будет точно в таком состоянии, как если бы находилось в воде несколько дней.

Мы заказали контейнер из двух слоев листовой стали с асбестовой прокладкой. Он закрывался крышкой, которая имела водонепроницаемую резиновую прокладку и привинчивалась шестнадцатью болтами. К крышке был прикреплен цепочкой гаечный ключ. На дне и крышке контейнера имелись ручки, так как вместе с телом контейнер весил около 150 килограммов.

Через некоторое время я снова встретился с адмиралом Барри. Я доложил, что разработка плана продвигается и, если он будет одобрен, мы хотели бы осуществить его примерно в конце апреля, то есть в период новолуния, когда возможность обнаружения подводной лодки близ берега наименьшая.

Адмирал решил выделить в наше распоряжение подводную лодку «Сераф», так как ее выход на Мальту можно было задержать недели на две. Выбор оказался тем более удачным, что этой подводной лодкой командовал лейтенант Джуэлл, а он и его экипаж уже имели опыт в проведении специальных операций, связанных с высадкой войск в Северной Африке. Это они помогли генералу

Жиро бежать из плена и доставили генерала Кларка в Северную Африку, откуда он должен был тайно связаться с силами Сопротивления во Франции. Они же увезли его обратно.

Я подготовил проект боевого приказа командиру подводной лодки, и адмирал Барри одобрил его. По его предложению лейтенант Джуэлл явился в штаб подводных сил, и мы без помех обсудили все детали предстоящей операции. После этого я вручил ему боевой приказ, который выглядел следующим образом:

ОПЕРАЦИЯ МИНСМИТ.

1 Цель

Обеспечить доставку портфеля с документами на берег как можно ближе к Уэльве (Испания) Сделать это таким образом, чтобы создалось впечатление, будто портфель был в самолете, упавшем в море. и его вез офицер из Англии в штаб союзников в Северной Африке.

2. Способ

Мертвое тело, одетое в полевую форму майора английской морской пехоты и спасательный жилет, вместе с портфелем и резиновой шляпкой доставляется к побережью Испании подводной лодкой.

Тело, полностью подготовленное к спуску на воду, будет помещено в воздухонепроницаемый контейнер с надписью. «Обращаться осторожно — Оптические инструменты — Особая отправка».

Контейнер имеет около 200 сантиметров в длину и около 60 сантиметров в диаметре, без всяких выступов с боков. С одной стороны он закрывается крышкой, которая плотно привинчивается болтами. К ней прикреплен цепочкой гаечный ключ. Как крышка, так и дно имеют ручки. Контейнер можно поднимать за обе ручки или пользуясь только ручкой на крышке, однако поднимать контейнер за одну ручку нежелательно, так как сталь, из которой он сделан, очень тонкая. Общий вес контейнера около 150 килограммов.

Тело в контейнере окружено слоем сухого льда, поэтому контейнер следует открывать на палубе, а не внутри подводной лодки, так как сухой лед выделяет углекислый газ.

3 Место

Тело должно быть спущено на воду так близко к берегу, как только возможно, и как можно ближе к городу Уэльва, предпочтительно северо-западнее устья реки.

По данным гидрографического управления, течения в этом районе идут в основном вдоль побережья, поэтому для спуска тела на воду следует выбрать время, когда ветер дует в направлении берега. В это время года в указанном районе преобладают юго-западные ветры.

Последние сведения относительно приливо — отливных течений в этом районе, полученные от начальника гидрографического управления, прилагаются.

4 Доставка груза

Груз будет доставлен в порт отхода по суше в любой указанный день, предпочтительно как можно ближе ко дню отплытия. Портфель будет передан командиру подводной лодки в это же время. Резиновая лодка находится в отдельной упаковке.

5. Спуск тела

Вынув тело из контейнера, цепочку, прикрепленную к ручке портфеля, необходимо закрепить на поясе шинели, в которую одет труп. Эта цепочка точно такая же, какие обычно надевают под шинель на грудь и выпускают свободный конец через рукав. На одном конце цепочки имеется застежка-карабин, позволяющая прикрепить ее к ручке портфеля, на другом — такая же застежка, которая застегивается на груди. Именно этот конец цепочки следует закрепить на поясе шинели, будто офицер, находясь в самолете, снял цепочку из соображений удобства, но все же оставил ее прикрепленной к поясу, чтобы не забыть портфель или не выронить его в самолете.

Затем тело, а также резиновую лодку следует спустить в воду. Поскольку резиновая лодка будет плыть с иной скоростью, чем тело, место спуска лодки относительно тела не имеет большого значения, однако она не должна находиться слишком близко к телу.

6. Осведомленные лица в Гибралтаре

Предприняты шаги с целью сообщить о намечаемой операции начальнику гарнизона в Гибралтаре и начальнику разведывательного отдела его штаба. Кроме них, в Гибралтаре об операции никто не осведомлен,

7. Сигналы

Если операция пройдет успешно, необходимо донести: «Минсмит окончен». В случае если донесение будет отправляться из Гибралтара, следует предупредить начальника разведывательного отдела, чтобы он адресовал его начальнику разведывательного управления Адмиралтейства (лично). Если донесение можно будет послать раньше, оно передается в порядке, предусмотренном соответствующими приказами командующего подводными силами.

8. Отмена

Если операцию придется отменить, будет дан приказ «Отменить Минсмит». В этом случае тело и контейнер следует затопить в глубоководном районе. Поскольку контейнер может обладать положительной плавучестью, его следует либо чем-нибудь загрузить, либо заполнить водой. В последнем случае необходимо тщательно проследить, чтобы тело осталось в контейнере. Портфель должен быть передан начальнику разведывательного отдела в Гибралтаре с указанием сжечь его, не вскрывая (если не представится возможности сделать это раньше). Резиновую лодку передать для уничтожения также начальнику разведывательного отдела.

9. Невозможность проведения операции

Если проведение операции окажется невозможным, необходимо донести, и как можно скорее: «Минсмит не состоялся» (см. пункт 7).

10. Маскировка

До начала операции достаточной маскировкой будет служить надпись «Оптические инструменты» на контейнере. После проведения операции экипажу подводной лодки можно сообщить, что наша цель — разоблачение очень активного немецкого агента в Уэльве и что благодаря операции будут получены данные, которые заставят испанцев выслать агента из страны. Одновременно необходимо внушить экипажу, что любая «утечка» сведений, когда бы она ни произошла, может лишить нас возможности заставлять испанцев поступать так, как это нам выгодно. Члены экипажа не должны впоследствии интересоваться достигнутыми результатами, так как операция требует полного сохранения тайны, иначе испанцы разгадают наш замысел.

Фактически самое важное заключается в том, чтобы немцы и испанцы отнеслись к документам так, как это предусмотрено пунктом /. Если они заподозрят, что документы подложные, это будет иметь серьезные последствия.

И. Монтегю, капитан-лейтенант.

31.3.43 г.

Теперь от нас требовалось решить, какой документ положить в портфель, чтобы заставить немцев изменить свои планы и диспозицию войск, и какими убедительными деталями придать документу видимость подлинного.

4. Важное письмо

Одно было совершенно ясно: если цель операции — обмануть немцев, заставив их действовать в соответствии с содержанием подкинутого документа, то это должен быть «важный» документ. Здесь не сыграешь на «болтливости» офицера

среднего ранга. Даже «разглашение» служебной тайны бригадным генералом или контр-адмиралом в его переписке с другим лицом, равным ему по званию, не произвело бы должного впечатления.

Раз требуется убедить германский генеральный штаб, что объектом нашего очередного удара будет вовсе не Сицилия (хотя все данные указывают именно на нее), значит, надо представить ему документ, подобный тем, какие пересылают друг другу люди, действительно знающие наши подлинные планы и которые не могут ошибиться или быть замешанными в отвлекающую операцию. Немцы должны хорошо знать отправителя и адресата и, главное, быть уверенными в том, что эти лица полностью осведомлены о стратегических замыслах союзного командования.

Я предложил, чтобы письмо написал генерал сэр Арчибальд Най, заместитель начальника имперского генерального штаба, командующему армией в Тунисе генералу Александру. Адрес — штаб 18-й группы армий. Письмо следовало написать примерно так: «Послушай, старина, я хочу, чтобы ты знал, как хорошо мы понимаем твои затруднения, но у нас есть свои проблемы. Начальник имперского генерального штаба был вынужден отклонить некоторые твои требования, хотя ты на них настаиваешь. Имеются очень важные причины, по которым мы не можем сейчас удовлетворить твои просьбы. Вот они...» Другими словами, в это дружеское письмо мы решили включить сведения и объяснения, которые нельзя вставить в официальные бумаги. Такое письмо — и только такое — может убедить немцев, что нашим следующим объектом будет не Сицилия. И найдено оно могло быть только в портфеле погибшего офицера, а не в пакете с обычными официальными документами, направляемыми нашим армиям за границу.

Наш прицел был очень далек (ведь другого выхода не оставалось), поэтому следовало ожидать, что на пути реализации идеи мы столкнемся с многочисленными затруднениями. Ибо многие, даже весьма способные и компетентные люди, не могли понять, что требовалось для нашей операции. Для этого нужен совершенно особый подход, особое мышление: одну и ту же задачу необходимо уметь рассматривать одновременно с различных точек зрения.

Ты — английский контрразведчик. В немецкой разведке, в Берлине, есть лицо, занимающее такое же положение. Не имеет значения, какие выводы из документа сделаешь ты, англичанин, с твоим английским складом ума и характера. Важно, какие выводы сделает то лицо (с его немецким складом ума и характера). Важно, как *немецкий контрразведчик* поймет этот документ. Поэтому, если ты хочешь, чтобы он пришел к определенному заключению, ты должен дать ему сведения, которые заставят *его* (а не *тебя* заставили бы) прийти к такому заключению. Но он может оказаться подозрительным и захочет подтверждений. Ты должен предугадать, какие справки *он* начнет наводить (а не какие справки навел бы *ты*), и дать ему такие ответы, которые бы *его* удовлетворили. Другими словами, ты должен помнить, что немец

мыслит и реагирует не так, как ты, и на время заставить себя мыслить его понятиями.

Но ты не должен забывать и о германском верховном командовании. Если твой план удастся, вражеский контрразведчик будет убеждать его в правоте своих выводов, которые ты навязал ему. Германское верховное командование не знает о всех трудностях союзников. Например, оно не знает, что у нас не хватает десантных судов, и поэтому может поверить, что какая-то определенная операция возможна, хотя твое командование отлично знает, что она исключена. Твой план должен обмануть германский штаб, а не английский.

Однако не каждый понимает подобные рассуждения и тем более применяет их на практике.

Итак, мы натолкнулись на трудности. Но прежде чем перейти к ним, скажу несколько слов об «отвлекающих объектах» и «отвлекающих операциях».

Если вы хотите предотвратить сосредоточение сил противника в районе намечаемой высадки десанта, вы должны попытаться отвлечь эти силы в какой-нибудь другой район. Нужно убедить противника, что вы намерены атаковать не ваш действительный объект, а какой-то иной, так называемый отвлекающий. Как я уже упоминал, полностью скрыть от противника подготовку к операции невозможно. Поэтому, принимая меры к предотвращению «утечки» сведений о подготовке операции, необходимо организовать дезинформацию противника. Например, если организовать «утечку» сведений о выдаче войскам тропических шлемов, когда мы готовимся к высадке на Лофотенские острова (этот пример я уже приводил), то подобная «утечка» заставит противника сделать заключение, что объект намечаемой нами операции находится где-то в тропиках. А если к тому же довести до сведения противника, что капитаны транспортов, предназначенных для перевозки войск в этой операции, получили карты или какую-то информацию, прямо указывающую на объект операции (ложный, конечно, скажем Дакар), то немецкая разведка нарисует себе именно такую картину, какая нас устраивает.

Наилучшим отвлекающим объектом является тот, который находится так далеко от действительного, что любые оборонительные мероприятия, предпринятые противником на море, в воздухе или на суше, не могли бы способствовать усилению обороны фактического объекта операции. Приведу несколько отвлеченный пример. Если бы вы, собираясь осуществить вторжение в Северную Африку, смогли убедить противника, что намереваетесь высадиться в Норвегии (о, какая упоительная мечта!), то любые меры, которые противник предпримет для укрепления обороны Норвегии, не помешали бы проведению вторжению в Северную Африку. Однако в действительности отвлекающий объект, как правило, находится в той же зоне, что и фактический, и поэтому вы не можете свести на нет все оборонительные усилия противника. Например, если бы во время высадки в Северной Африке в 1942 году нам удалось убедить немцев, что мы намереваемся нанести удар в тыл Роммеля, например, в районе

Тобрука, то мы смогли бы оттянуть в этот район часть сухопутных войск противника и, возможно, его авиацию. Но немецкие подводные лодки все равно были бы стянуты к Гибралтарскому проливу, через который предстояло пробиться нашим конвоям для осуществления фактической операции. Поэтому обычно приходится идти на компромисс и вместо «идеального» отвлекающего объекта избирать такой, в который противника можно заставить поверить.

Увязывая эту теорию с проблемой, стоявшей перед нашей группой, следует сказать, что наша задача заключалась в том, чтобы убедить немцев, будто союзники не собираются в настоящий момент наносить удар по Сицилии (объект, который был для противника очевиден), заставить их передислоцировать свои войска в другое место и потратить время и силы на укрепление обороны другого района.

Рассматривая сложившееся положение с точки зрения союзного командования, мы видели, что в распоряжении союзников имеются две армии (под командованием генерала Эйзенхауэра, находившаяся во Французской Северной Африке, и под командованием фельдмаршала Генри Вильсона — в Египте), которые занимали все североафриканское побережье и которые предполагалось использовать в одной операции. Такое решение было принято по целому ряду причин, и здесь излишне рассказывать о них подробно. Суммируя причины, можно сказать, что высадка десанта на сильно укрепленное побережье Сицилии с последующим броском на Апеннинский полуостров требовала сосредоточения всех сил союзников. Для проведения двух операций одновременно нам не хватало сухопутных войск и авиации. Что же касается транспортных судов и кораблей охранения, то их было недостаточно даже для удовлетворительного материально-технического обеспечения одной операции.

Когда мы взглянули на ту же самую ситуацию с немецкой точки зрения, перед нами предстала несколько иная картина. Насколько знали немцы, союзники могли использовать армию генерала Эйзенхауэра для нанесения удара на юге Франции, хотя это (считали они), вероятно, вызовет необходимость захвата Сицилии, Сардинии, Корсики и вообще будет рискованной операцией, так как Италия останется в руках противника и послужит базой для нанесения контрудара в тыл союзных войск, которые в этом случае окажутся отрезанными от источников снабжения. В равной мере, считали немцы, армия Эйзенхауэра (или армия, находившаяся в Египте) может быть использована для удара по Италии, но тогда союзникам в качестве первого шага придется захватить Сицилию. И наконец, армию фельдмаршала Вильсона, с точки зрения немцев, можно использовать для вторжения в Грецию и наступления в Европу через Балканы.

У нас не было оснований думать, что немцы знают о нехватке десантных судов, и мы были вправе предположить, что их можно заставить поверить, будто мы начнем одновременно две операции: одну в западной части Средиземного моря,

силами армии генерала Эйзенхауэра, и другую — восточной, силами армии фельдмаршала Вильсона.

Когда наша группа рассматривала возможности «операции Минсмит» с точки зрения введения противника в заблуждение, мы рассуждали следующим образом. Поскольку большая часть сил союзников находится в Тунисе, безнадежно пытаться убедить немцев, что мы решимся направить конвои с войсками через узкий пролив мимо их аэродромов в Сицилии в восточную часть Средиземного моря. Поэтому отвлекающий объект должен находиться где-то западнее Италии. Таким объектом в плане операции против Сицилии уже была избрана Сардиния. Было решено убедить немцев, что союзники собираются пройти мимо Сицилии и захватить Сардинию и Корсику, чтобы открыть для вторжения все итальянское побережье и Южную Францию.

Но я считал, что поскольку мы не полагаемся на серию «утечек», которые могут не дойти до немцев, а используем один-единственный документ, то у нашего «лука» может быть и вторая «тетива». Я рассчитывал убедить немцев, что армия Вильсона не примет участия в операции против Сардинии, а высадится в Греции и начнет наступление на Балканах. А если нам удастся убедить их в этом, то мы добьемся большего распыления сил противника, чем если бы строили свой обман только на одном отвлекающем объекте — Сардинии. Поэтому по моему предложению в письме к генералу Александру должен был содержаться намек на подготовку двух операций: под командованием генерала Эйзенхауэра против Сардинии и, возможно, Корсики и под командованием фельдмаршала Вильсона против Греции. Я предложил также, чтобы из письма явствовало, *будто мы намерены убедить немцев, что собираемся начать вторжение в Сицилию!* Прелесть этого предложения заключалась в том, что, если мы и не избежим «утечки» сведений о наших действительных планах, немцы отнесутся к этому как к элементам нашей отвлекающей операции, о которой они узнают из письма к Александру. Проглотив нашу приманку — это единственное письмо, — они не поверят никакой правдивой информации, которая просочится к ним.

В таком виде наше предложение было представлено Комитету начальников штабов, и тут-то начались неприятности!

Немногие получили возможность ознакомиться с нашим предложением, так как мы обошли обычные каналы. И тем не менее, пока план и первоначальный проект документа дошел до начальников штабов и вернулся к нам, он пополнился множеством различных советов и возражений. Каждый, кто думал, что знает, как работает немецкая мысль, выдвигал всевозможные «блестящие» идеи. «Слишком опасно, — говорили они, — делать ставку на такое письмо. Оно должно быть на более низком уровне, в нем просто следует назвать неверную дату. Мы не убедим немцев и только привлечем их внимание к Сицилии. Мы не должны упоминать о Сардинии как о фактическом объекте, так как, если немцы раскроют наш обман, это прямо укажет им на Сицилию».

Пожалуй, самым трудным в нашей операции было убедить свое командование, что такая возможность больше никогда не представится и что, если мы хотим добиться поставленной цели, нужно метить высоко.

Теперь, вспоминая прошлое, я вижу, что легче было, обмануть германское верховное командование, чем убедить английское в успехе «операции Минсмит». К счастью, нашим планом заинтересовался сам Арчибальд Най. Он написал письмо, основываясь на моем проекте, который считал вполне реальным. Прочитав его, я не мог не признать, что, хотя отвлекающий объект указывался очень удачно, письмо в целом получилось неубедительным и слишком прямолинейным. Такое письмо могло быть отправлено только официальной почтой, а не передано офицеру, чтобы он отвез его просто в кармане. Сэр Арчибальд принял мой вызов и написал другое, поистине великолепное письмо. На тот случай если немцы слышали об «операции Хаски» (кодовое название операции по вторжению в Сицилию), он использовал слово «хаски» как кодовое название для операции против Греции, а ложное кодовое название «Бримстен» — для ложной операции против Южной Франции. Вот как выглядел проект его письма:

Телефон: Уайтхолл 9400
Военное министерство,

Начальник имперского генерального штаба *23 апреля, 1943*
Лично и совершенно секретно
Уайтхолл, Лондон, ЮЗ 1

Дорогой Алекс,

Пользуясь случаем, посылаю Вам личное письмо с одним из офицеров Маунтбэттена. Хочу сообщить Вам некоторые подробности недавнего обмена телеграммами относительно операций на Средиземноморском театре и сопутствующих им обеспечивающих действий. Вы можете подумать, что наши решения несколько произвольны, но я спешу убедить Вас, что Комитет начальников штабов самым тщательным образом рассмотрел как Ваши рекомендации, так и рекомендации Джамбо{5}.

Недавно мы получили информацию, что боши укрепляют свою оборону в Греции и на Крите, и начальник имперского генерального штаба считает, что наши силы для наступления недостаточны. Комитет начальников штабов решил усилить 5-ю дивизию одной бригадой для высадки южнее мыса Киллини и послать такое же подкрепление 56-й дивизии в Калаче. Сейчас мы изыскиваем необходимые силы и транспортные средства.

Джамбо Вильсон предложил Сицилию в качестве отвлекающего объекта для «операция Хаски», но мы уже выбрали ее для той же роли в «операции Бримстен». Комитет начальников штабов очень внимательно пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что в связи с подготовкой в Алжире и учениями по

высадке десанта, которые будут происходить на побережье Туниса, а также массированным использованием авиации в целях нейтрализации сицилийских аэродромов мы должны придерживаться нашего плана, согласно которому Сицилия явится отвлекающим объектом для «операции Бримстен». В самом деле, у нас есть очень хороший шанс заставить бошей поверить, будто мы нацелились на Сицилию, — это очевидный объект, и по поводу его они наверняка беспокойны. С другой стороны, начальники штабов понимают, что нет большой надежды убедить бошей, будто широкая подготовка, ведущаяся в восточной части Средиземного моря, также имеет отношение к Сицилии. По этой причине они и сказали Вильсону, что его отвлекающий объект должен быть ближе к фактическому, например Додеканезы. Поскольку наши взаимоотношения с Турцией улучшились, итальянцы должны испытывать беспокойство в отношении этих островов.

Думаю, Вы согласитесь с такими аргументами, Я знаю, Вы сейчас очень заняты и едва ли сможете обсудить будущие операция с Эйзенхауэром. Но если Вы намерены поддержать предложение Вильсона, я надеюсь. Вы немедленно дадите нам знать об этом, так как мы не можем ждать долго.

Весьма сожалею, что мы не смогли удовлетворить Вашу Просьбу относительно нового командира гвардейской бригады. Ваш кандидат тяжело заболел гриппом и придет в форму лишь через несколько недель. Но Вы, видимо, хорошо знаете и Фостера. Он отлично зарекомендовал себя, командуя бригадой здесь, в метрополии, и я думаю, он самый подходящий человек.

Вам, как и нам, наверное, надоела вся эта история с боевыми наградами и «Пурпурными сердцами»{6}. Мы все согласны с Вами, что не следует обижать наших американских друзей, но за этим кроется большее. Если наши солдаты, которые случайно попали на какой-то театр войны, получают лишнюю награду просто потому, что там воюют американцы, мы столкнемся с большим недовольством среди тех войск, которые сражаются где-нибудь в другом месте, я, возможно, с еще большим напряжением. Мне кажется, мы должны поблагодарить американцев за их любезные предложения, но твердо сказать, что это вызовет слишком много недовольства и мы, к сожалению, не можем пойти здесь им навстречу. Впрочем, этот вопрос включен в повестку дня следующего заседания парламентских представителей военных ведомств, и, я надеюсь, Вы скоро узнаете о принятом решении.

Желаю успеха. Всегда Ваш

Арчи Най

*Генералу сэру Гарольду Александеру,
Штаб 18-й группы армий».*

Лучшего нельзя себе и представить. Сэр Арчибалд Най выполнил свою задачу так, как ее мог выполнить только человек, хорошо знающий характер личных

взаимоотношений между высшими офицерами. Походя, дабы немцы не заподозрили обмана, он дает понять, что состоится операция и в восточной части Средиземного моря, с высадкой в Греции, и что мы хотим заставить немцев поверить, будто наш удар в западной части Средиземного моря нацелен на Сицилию (поэтому Сицилия не может быть фактическим объектом).

Вопросы личного характера, которые поднимаются в письме, очень убедительно — доказывают, почему оно не могло быть отправлено с официальной почтой.

На мой взгляд, было упущено лишь два момента. Первый — не назывался объект, по которому мы якобы намеревались нанести удар в западной части Средиземного моря. Но Комитет начальников штабов отказался санкционировать какое бы то ни было упоминание о Сардинии. По его мнению, это слишком ясно укажет на Сицилию, если немцы поймут наш обман. Однако, когда премьер-министр вполне реалистически оценил всю ситуацию, мне удалось вставить шутливое упоминание о Сардинии в другое письмо, которое мы подготовили от имени лорда Луиса Маунтбэттена и которое, мы это увидим дальше, имело немалую ценность.

Второй момент менее серьезен. Я хотел включить в письмо какую-нибудь деталь, которая бы соответствовала мышлению немца, отвечала бы тем мыслям, которые у него уже возникали. Человек среднего ума, полагал я, скорее поверит в подлинность документа, если в нем есть что-то уже известное ему. На мой взгляд, самым лучшим и безвредным было включить в письмо шутку над генералом Монтгомери на уровне тяжеловатого немецкого юмора. Я предложил, чтобы сэр Арчибальд опросил генерала Александра: «Что случилось с Монти? Вот уже неделя, как он не издал ни одного приказа». Незадолго до этого генерал Монтгомери издал целую серию приказов с целью вдохновить войска, чем вызвал довольно злые насмешки в различных кругах. Однако по причинам, которые я так и не смог понять, Комитет начальников штабов категорически запретил эту шутку. Признаюсь, она была глупой и отказ от нее не имел значения, но я уверен, что немцы оценили бы ее.

Письмо сэра Арчибальда напечатали на его бланке. Обращение «Дорогой Алекс» и подпись он поставил сам, и письмо было вложено в обычный двойной конверт.

Итак, «важное письмо» готово!

5. Майор Мартин из Королевской морской пехоты

Готовя документ, названный нами «важным письмом», мы много думали и о «человеке», который повезет его. Ведь контрразведчик в Берлине прежде всего захочет узнать, каким образом письмо попало в Уэльву? Правда, письма такого рода не полагается пересылать по почте. Обычно они доставляются адресату специально выделенным офицером, но тем не менее немецкий контрразведчик

неприменно спросит: «А его в самом деле вез офицер? Он был похож на настоящего офицера?»

Поэтому мертвое тело должно было быть телом офицера, причем армейского офицера. Мы рассуждали так: во-первых, он вез письмо от заместителя начальника имперского генерального штаба командующему группы армий и, во-вторых, сухопутные войска военного времени являлись самым крупным видом вооруженных сил. Однако через некоторое время мы решили отказаться от «зачисления» его в армию. На это имелся целый ряд причин, но основная была связана с обменом донесениями и рапортами между соответствующими атташе в Мадриде и нами, в Лондоне, после того, как тело прибьет к испанскому берегу. Обычно телеграммы и другие сообщения приходили в специальный отдел армейского штаба и затем автоматически передавались в отделы, имеющие отношение к этим сообщениям. В результате телеграмму, сообщающую о том, что на испанском берегу найдено мертвое тело, перешлют в соответствующие отделы и автоматически передадут целому ряду людей; точно так же любые другие донесения по этому вопросу попадут к тем же людям. При системе, существующей в Адмиралтействе, я мог с помощью начальника разведывательного управления устроить так, чтобы подобная передача документов не состоялась и все сведения, имеющие отношение к нашей операции, поступали только ко мне. Такая договоренность не вызвала бы никаких комментариев, тогда как при системе, действующей в военном министерстве, организовать пересылку донесений к нам было довольно сложно.

Поэтому мы решили, что тело «поступит» не в армию, а в военно-морские силы. И сразу же перед нами встали новые проблемы. Не просто было сделать его морским офицером. В то время как армейский офицер мог отправиться из Лондона в штаб в Северную Африку в обычной полевой форме, морской офицер обязан надеть выходную форму, которая шьется по мерке и должна сидеть на офицере безупречно. Значит, необходимо найти закройщика, который снимет мерку с нашего трупа и оденет его! Представив себе столь страшную картину, мы тотчас отказались от этой идеи.

Была еще одна возможность оставить «офицера» под контролем Адмиралтейства — «зачислить» его в морскую пехоту. Это облегчало проблему с формой, но создавало ряд других.

Во-первых, если армия в военное время настолько многочисленна, что армейские офицеры не выразят удивления, услышав о незнакомом офицере своей части, то королевская морская пехота — небольшой корпус, и даже в военное время его офицеры знали друг друга или по крайней мере слышали друг о друге.

Во-вторых, армейские офицеры не имеют при себе удостоверения с фотографией, когда едут за границу, а офицеры морской пехоты непременно берут его с собой. Между тем родственники умершего не смогли представить нам фотографию, которая бы подходила для удостоверения личности.

Мы довольно долго обсуждали эти проблемы. Все отлично понимали, что малочисленность офицерского состава в морской пехоте грозит нам неприятными последствиями. Допустим, испанцы отошлют тело для похорон в Гибралтар, и тогда опасность разглашения тайны (по сравнению с тем, если бы «погибший» был армейским офицером) возрастет во много раз. Тем не менее, учитывая расстояние между Уэльвой и Гибралтаром, мы решили рискнуть. Мы надеялись также справиться с трудностью, возникшей из-за фотографии. Но никто не предполагал, сколько хлопот это будет стоить.

Сначала мы попробовали сфотографировать труп. Полная неудача ! Люди часто говорят, критикуя фотографию: «Я здесь похож на покойника!» Такое замечание, возможно, неоправданно, но я хотел бы посмотреть, как вам удастся сфотографировать покойника так, чтобы он выглядел живым! Невозможно описать, каким безнадежно мертвым выглядел этот человек на фотографии.

Начались лихорадочные поиски «двойника» или просто человека, который хоть отдаленно походил бы на нашего офицера. Нельзя сказать, что у нашего молодого человека была крайне своеобразная внешность, но тем не менее мы никак не могли найти подходящего человека. Целыми днями ходили мы по улицам, невежливо всматриваясь в лица прохожих.

Наконец, я решил попросить одного молодого офицера из военно-морского разведывательного управления надеть тужурку и позволить нам сфотографировать его. (Не помню уже, какой предлог я придумал для этого.) Результат, как и следовало ожидать, получился не очень хороший, но мы единодушно решили, что сходства достаточно, если учесть, какими скверными обычно бывают фотографии такого рода. Однако чувство неудовлетворения не покидало нас.

Счастье улыбнулось совсем неожиданно: на одном заседании, где обсуждались вопросы, не имеющие отношения к нашей операции, я вдруг увидел напротив себя человека, который мог бы быть близнецом нашего покойника. Мы быстро уговорили его сняться, и препятствие с фотографией было преодолено.

Теперь оставалось имя и звание. Я понимал, что младшему офицеру вряд ли доверят такое письмо, но сделать его офицером очень высокого ранга мы не могли по нескольким причинам. Самая главная из них — человек был слишком молод, чтобы достичь высокого звания, если только он не обладал выдающимися способностями. Но тогда его коллеги-офицеры наверняка слышали бы о нем. Поэтому я решил сделать его капитаном с временным званием майора. Затем я сел за списки личного состава военно-морских сил. Я тщательно изучил все списки офицеров морской пехоты и нашел сравнительно небольшую группу капитанов и майоров, носящих фамилию Мартин. Мне казалось, что наличие такой группы людей — преимущество. Если смерть «майора Мартина» вызовет разговоры в какой-нибудь кают-компании, то всегда есть надежда, что присутствующие не знают всех Мартинов в морской пехоте. Возможно, это ничего не давало — в конце концов, все эти Мартины могли

быть братьями, — но мы проявили дополнительную предосторожность на случай пусть даже небольшого риска. А риск в выборе имени, разумеется, был. К фамилии я добавил обычное имя Уильям, и наш покойник, с ведома командующего морской пехотой, который зачислил его в списки офицеров корпуса, стал капитаном с временным званием майора Уильямом Мартином из королевской морской пехоты. И наконец, я принял необходимые меры предосторожности на случай, если в штаб командующего морской пехотой поступят какие-нибудь запросы.

Я достал незаполненное удостоверение личности и долго тер его о свои брюки, чтобы придать ему тот вид, который обычно бывает у старых документов, даже если их носят в бумажнике. Мне это неплохо удавалось, но я был обеспокоен длительностью процесса «искусственного постарения». Вдруг у меня блеснула мысль: майор Мартин недавно потерял свое удостоверение и получил дубликат. Я достал новый бланк, наклеил на него фотографию двойника, заполнил все графы и расписался. Соответствующее официальное лицо подписало, что это удостоверение выдано 2 февраля 1943 года взамен утерянного № 09650. 09650 — номер моего собственного удостоверения. Это должно было уменьшить осложнения, если поступят какие-нибудь запросы. Потом я приложил к удостоверению соответствующие печати и штампы.

По соображениям, о которых я подробно скажу ниже, майор Мартин был определен на службу в штаб морских десантных операций. Местом его рождения я без долгих раздумий выбрал Кардифф. Когда удостоверение было готово, я опять принялся «состаривать» его, потирая о свои брюки.

Итак, основа личности майора Мартина была создана. Нашедший мертвое тело легко узнает из удостоверения, кто погибший. Но я знал, что мои немецкие «друзья» в Уэльсе, Мадриде или Берлине захотят узнать, почему майор Мартин направлялся в Северную Африку. Если мы дадим им сведения, отвечающие на их вопрос, это укрепит веру в подлинность «важного письма». Почему офицер морской пехоты летит в Северную Африку? Какие обстоятельства привели к тому, что заместитель начальника имперского генерального штаба, узнав о его поездке, доверил ему личное письмо?

После некоторых размышлений я нашел причину, которая показалась нам достоверной: поскольку готовится высадка десанта на хорошо обороняемое побережье, вполне реально, что командованию потребовалась помощь специалиста по десантным операциям. Таким специалистом оказался майор Мартин. Теперь его надо снабдить документом, подтверждающим это.

Я принялся за составление письма от лорда Луиса Маунтбэттена, командующего морскими десантными операциями, сэру Каннингхэму, главнокомандующему военно-морскими силами на Средиземноморском театре. Вот это письмо:

Исходящий S.R. 1924/43
Штаб морских десантных операций,
1А, Ричмонд -Террас, Уайтхолл, Ю31

21 апреля, 1943

Дорогой Адмирал флота,

Я обещал заместителю начальника имперского генерального штаба, что майор Мартин договорится с Вами об отправке письма, находящегося при нем, генералу Александру. Оно очень спешное и очень «горячее». Оно содержит некоторые сведения, которые в военном министерстве не всем можно знать, и его нельзя послать по обычным каналам связи. Я надеюсь. Вы проследите за тем, чтобы письмо дошло благополучно и без задержек.

В Мартине, я надеюсь, Вы найдете того человека, который Вам нужен. На первый взгляд майор кажется тихим и робким, но он хорошо знает свое дело. Он правильнее всех нас предвидел развитие событий в Дьеппе и хорошо проявил себя во время испытаний барж и другого оборудования, которые проводились в Шотландии.

Верните мне его, пожалуйста, как только операция будет закончена. Пусть привезет с собой немного сардин: здесь они по карточкам!

Искренне Ваш *Луис Маунтбэттен*

Адмиралу флота сэру Каннингхэму,
Кавалеру орденов Бани и «За отличную службу»,
Главнокомандующему на Средиземноморском театре,
Штаб союзных сил, Алжир.

Я остался доволен этим письмом. В нем объяснялось, почему майору Мартину доверили «важное письмо», а не послали его по официальным каналам. Из письма также явствовало, почему майор Мартин направлялся в Северную Африку. С разрешения премьер — министра (он понимал, что, если немцы «засекут» Сицилию в случае провала нашей операции, это не будет иметь большого значения, так как они все равно готовятся к защите ее от вторжения), я упомянул и о Сардинии, причем сделал это в форме шутки. Она была очень тяжеловесной, но во вкусе немцев. Они, безусловно, догадаются, о чем идет речь. Так и случилось. Намек на Сардинию сыграл определенную роль в нашем последующем успехе.

В письме скрывалась еще одна хитрость. Я мог твердо рассчитывать, что немцы в Берлине получат «важное письмо» или по крайней мере его копию. Но я не был уверен, что они получат больше, чем краткий пересказ того, что мы называли «подкрепляющими документами». А я хотел, чтобы они получили письмо лорда Маунтбэттена полностью и прочли шутку относительно

Сардинии. Кроме того, там приводилось объяснение, почему майор летел в Африку и вез «важное письмо». Поэтому я и вставил фразу, в которой упоминалось о Дьеппе. Ни один немец, как я полагал, не устоит перед искушением довести до сведения своего начальства факт «признания» командующим морскими десантными операциями относительного неуспеха рейда на Дьепп. Правильно или неправильно понял я немецкий образ мышления, но письмо лорда Маунтбэттена оказалось единственным из документов майора Мартина (не считая основного), полную копию которого мы нашли в немецких архивах и который, как мы теперь знаем, тщательно изучался немецкой разведкой в Берлине.

Письмо было перепечатано, подписано лордом Луисом и помечено в штабе морских десантных операций вымышленным, но вполне правдоподобным исходящим номером.

И наконец, мы дали майору еще одно письмо в дополнение к его личным бумагам. Мы отлично понимали, что офицер, вероятно, положил бы два конверта нормального размера в карман или в чемоданчик со своими вещами, хотя одно из писем было секретное. Если бы майор Мартин поступил так, мы не имели бы полной гарантии, что испанцы заметят письма до того, как передадут тело в консульство. А мы не хотели, чтобы немецкий агент в Уэльве ругал своих испанских прислужников за то, что они не обыскали тело. Значит, должна быть причина, по которой майор Мартин положит письма в портфель. Пришлось создать и ее.

Случилось так, что официальную брошюру о действиях наших «коммандос» {7}, написанную Хилери Сондерсом, одновременно подготовили к печати в Англии и в США. Вполне естественно, решили мы, если лорд Луис Маунтбэттен обратится к генералу Эйзенхауэру с просьбой написать к ней предисловие. Итак, мы подготовили проект письма с этой просьбой; к нему были приложены гранки брошюры и фотографии. Мы воспользовались случаем и дали в письме еще одно небольшое указание на то, что майор Мартин весьма ответственный офицер. Я привожу это письмо:

Исходящий S.R. 1989/43
Штаб морских десантных операций,
1 А, Ричмонд-Террас, Уайтхолл, Ю31

22 апреля, 1943

Дорогой генерал,

Посылаю Вам два экземпляра гранок брошюры о деятельности моих «коммандос». Прилагаю также копии фотографий, которые будут включены в эту брошюру.

Брошюра написана Хилери Сент — Джорджем Сондерсом, автором книг «Битва за Англию», «Бомбардировочная авиация» и других изданий, которые пользовались большим успехом как в нашей стране, так и в Вашей.

Издание, которое должно быть опубликовано в Штатах, уже имеет предварительные заказы почти на 1,5 миллиона экземпляров, и мне известно, что американские власти будут широко распространять эту книгу в армии США.

Я узнал также от британского бюро информации в Вашингтоне, что им было бы приятно получить написанное Вами предисловие и использовать его в рекламе брошюры и что они Вас об этом уже просили через Вашингтон.

Гранки я посылаю с моим штабным офицером майором морской пехоты У. Мартином. Мне нет нужды говорить, какую честь Вы всем нам окажете, если напишете предисловие. Я хорошо понимаю, какая это большая просьба сейчас, когда Вы заняты значительно более важными делами, но я надеюсь. Вы найдете несколько минут, чтобы предпослать брошюре выражение Вашего одобрения. Это поможет донести до народов США и Великобритании идею нашего сотрудничества.

Мы наблюдаем за Вашим блестящим продвижением с восхищением и удовольствием и все мечтаем быть вместе с Вами.

Майор Мартин пользуется моим полным доверием, и Вы можете свободно говорить с ним по этому и по всем другим вопросам.

Искренне Ваш Луис Маунтбэттен.

Генералу Дуайту Эйзенхауэру,
Штаб союзных войск,
Алжир.

Лорд Луис подписал письмо, и мы положили его в специальный пакет вместе с приложением. Теперь тот факт, что майор Мартин использовал для документов портфель, казался вполне оправданным.

Но это еще не все. Мы нашли повод представить испанцам официальные документы таким образом, чтобы избежать последствий их возможной беспечности при осмотре тела, и получили добавочную уверенность в том, что они найдут наши бумаги. Но все ли мы предусмотрели? Как раз тогда, когда мы поздравляли себя с выдающимися находками, у нас внезапно возникло опасение: а окажутся ли тело и портфель в Уэльве одновременно? Вложить ручку портфеля в руку майора Мартина? Но риск слишком велик — рука может разжаться, и море унесет портфель.

Решение, которое мы смогли найти, нам не нравилось, ибо это была единственная деталь во всем нашем плане, которая выглядела нарочитой. Мы были вынуждены остановиться на следующем варианте: офицер, имеющий при себе важные бумаги, прикрепил к портфелю цепочку, какой пользуются банковские служащие, и спрятал ее в рукаве так, чтобы никто не мог выхватить портфель из рук. Такой выход из положения казался нам крайне неестественным, так как мы-то знали, что английские офицеры никогда не пользуются цепочками. Но нам пришлось положиться — на то, что наши противники в Берлине проглотят это. В конце концов, они не могли быть уверены, что английский офицер ни при каких условиях не воспользуется цепочкой, стремясь уберечь свой портфель.

Итак, мы пошли на риск и прибегли к помощи цепочки. Как можно заметить из инструкции лейтенанту Джуэллу, мы решили, что майор Мартин во время своего продолжительного полета не будет держать портфель в руке и что с его стороны вполне резонно в целях безопасности пристегнуть портфель к цепочке, а ее для удобства прикрепить к поясу шинели. Но не слишком ли мы беспокоимся? Хотя, с другой стороны, у немцев в Берлине подозрения могут возникнуть как раз по этому поводу, если им сообщат о цепочке.

Не стану забегать вперед и скажу одно: нам повезло, так как эту деталь немцы не подвергли проверке. И все же мне очень хотелось бы узнать, оправданным ли был такой риск. Мы считали, что испанцы точно доложат об этом важном факте, а немцы не рискнут из-за цепочки (одного сомнительного штриха в очень убедительной картине) отказаться от признания всех документов подлинными. Мы никогда не узнаем, были ли мы правы в своих опасениях. Но, быть может, это и лучше для нас.

Наконец, поскольку майор Мартин служил в штабе морских десантных операций, мы дали ему специальный пропуск.

И тут мы почувствовали, что нам грозит опасность превращения майора Мартина в слишком яркий образец всех добродетелей и что у него, как у всех людей, должны быть слабости или недостатки (в добавление к потере удостоверения личности). Дальше читатель увидит, как мы создавали ему характер. В нашей трактовке это несколько беспечный в личных делах, но очень способный офицер. Однако мы не хотели полностью отделять его личные качества от служебных. Кроме того, как читатель узнает из следующей главы, в жизни майора Мартина произошло событие, которое вполне могло изгнать из его мыслей такие мелочи, как возобновление пропуска. Поэтому по нашей воле он проявил халатность (чем грешили время от времени все мы) и не позаботился о продлении своего пропуска. Срок пропуска, который мы ему дали, истекал 31 марта 1943 года. Немцев не удивит (как не удивило бы и нас), что майор Мартин не продлил пропуск до своего отъезда на третьей или четвертой неделе апреля.

Теперь нужно было снабдить майора Мартина форменной одеждой.

Один из нас, мужчина примерно такого же роста и сложения, как наш майор, достал подходящую полевую форму, и мы украсили ее нашивками морской пехоты, значком «коммандос» и майорской короной. Нашлась и старая шинель, к которой мы прикрепили такие же знаки различия, предварительно продырявив погоны в трех местах, чтобы указать на недавнее капитанское звание их владельца. Мы достали ботинки и обмотки, а также верхнюю рубашку и белье. Оно не было новым, и метки разных прачечных мы спорили, а потом отдали все в одну прачечную, чтобы на белье поставили одинаковые метки.

Рубашку мы приобрели в военном магазине и помятый чек сунули в карман шинели. Вот здесь-то мы допустили по-настоящему серьезный ляпсус. Офицер, который по нашей просьбе покупал эту рубашку, не служил на флоте и поступил с точки зрения кадрового моряка совершенно непонятно — заплатил наличными. Впрочем, ему было трудно поступить иначе, так как Билл Мартин не имел своего счета в этом магазине. Мы не обратили никакого внимания на данное обстоятельство, и, только когда тело уже было в Испании, меня внезапно осенило, что ни один флотский офицер, а тем более тот, у кого настойчиво требовали уплаты долга, никогда не заплатил бы наличными! Но я утешил себя мыслью, что обмануть-то нам надо *немцев*. А они не могли знать, как охотно шла эта многострадальная фирма на уступки офицерам. Но все же мы допустили ошибку, и здесь нам изменило чутье.

Итак, тело «человека, которого не было», стало телом майора Мартина из морской пехоты. И нашедший тело получит достаточно сведений о том, кем был этот человек и почему он очутился там, где его нашли. Но пока это было тело только офицера. Нам еще предстояло снабдить майора личными вещами и наделить человеческим характером.

6. Создание личности

Для нас майор Мартин давно уже стал реальным человеком, однако это чувство, причем как можно полнее, должны были разделять с нами и те, кому придется обследовать тело и изучать документы, имевшиеся в портфеле. Чем меньше сомнений возникнет у них, тем больше шансов на успех всей операции. Я был совершенно уверен, что немцы обратят внимание на самые незначительные детали и попытаются найти упущения в «гриме» майора Мартина, чтобы убедиться в подлинности всей истории, а значит, и документов, которые попадут к ним в руки. И я не ошибался: как мы узнали позже, немцы обратили внимание даже на дату на корешках двух театральных билетов, обнаруженных в кармане майора Мартина.

Мы постоянно говорили о майоре Мартине, и это выглядело так, будто мы перемывали косточки другу за его спиной. По правде говоря, нам порой действительно казалось, что Мартин существует и мы его давно знаем. Тем не менее мы стремились сделать его характер и наклонности такими, какие удовлетворяли бы нашим целям.

Как я уже говорил, мы решили, что майор Мартин — блестящий офицер, пользующийся доверием у начальников. Упущения по службе, которые он допустил, весьма обычные: потерял удостоверение личности и не продлил своевременно свой пропуск в штаб.

На этом мы строили характер, подтверждая его бумагами, которые окажутся в карманах майора. Это был единственный способ дать понять немцам, что за человек Мартин.

Он не прочь иногда весело провести время, и поэтому у него может завалиться приглашение в ночной клуб. Отсюда вполне обоснована, письмо из банка, в котором говорится, что майор превысил свой кредит. Приезжая в Лондон, он мог останавливаться в армейском клубе, и, значит, у него должен быть счет за проживание там. Так крупница за крупницей облик майора Мартина вырисовывался все отчетливее.

Но как сделать его по-настоящему живым человеком?

В нашем распоряжении был только один способ — положить в карманы Мартина письма, из которых можно узнать некоторые подробности его личной жизни. С другой стороны, остановите на улице любого прохожего и осмотрите его карманы — в них вряд ли найдутся письма о сколько-нибудь серьезных вещах. Рассматривая проблему с этой точки зрения, мы пришли к заключению, что человек хранит при себе письма, дающие яркое представление о его облике, только после обручения, когда он строит планы будущей семейной жизни. Поэтому мы решили обручить Билла перед его отъездом в Африку.

Итак, в конце марта майор Мартин познакомился с хорошенькой девушкой по имени Пэм и почти сразу обручился с ней. (Ох уж эти романы военного времени!). Она подарила ему свою фотографию (любительскую, разумеется), а он ей — обручальное кольцо. У него было два письма от нее — одно, написанное во время загородной поездки, а другое — в конторе (когда хозяин вышел по делам), чрезвычайно взволнованное: жених намекнул ей, что его посылают куда-то за границу. У него имелся также счет за обручальное кольцо (неоплаченный, конечно, ведь его кредит в банке исчерпан). И наконец, отец майора со старомодными взглядами на жизнь не одобряет свадьбы военного времени и настаивает, чтобы его сын незамедлительно составил завещание, если уж он окончательно решился на такой глупый и неосмотрительный шаг.

Мы понимали, что полнее охарактеризовать майора Мартина при помощи нескольких писем просто невозможно. Однако письма должны выглядеть как подлинные, и кто-то должен написать их. Конечно, мы могли написать их сами. Многие из нас знали (и слишком хорошо!), как выглядит письмо из банка о превышении кредита, а некоторые получали любовные письма и успели составить завещание, но я решил, что во избежание ошибок лучше положиться на специалистов.

Кое-что устроилось очень просто. Например, один из нас получил приглашение в «Кабаре-клуб». На билете не проставили фамилию, и ночной клуб был обеспечен. Достать письмо о превышении кредита тоже оказалось нетрудно. Через другого нашего товарища, имевшего связи в главной конторе «Ллойдс Банка», мы получили оттуда письмо, датированное 14 апреля, на имя майора Мартина, в котором содержалось требование о возмещении перерасхода в 79 фунтов. Позже меня спросили, всегда ли письмо по поводу такой сравнительно небольшой суммы подписывает главный управляющий банка. Я и сам думал об этом, так как знаю из горького опыта, что такие письма обычно подписывает управляющий отделением. Когда я выразил беспокойство по этому поводу, меня уверили, что письмо может прийти и из главной конторы, хотя, как правило, подобные письма подписывает управляющий отделением. Немцы, надеялись мы, не разбираются столь детально в вопросе о превышении кредита, и, в конце концов, даже если сумма и была маленькой, отец майора Мартина был, совершенно очевидно, человеком значительным. Письмо из «Ллойдс Банка», подписанное мистером Уиттли Джонсом, гласило:

Ллойдс Банк Лимитед,
Главная контора, Лондон ВЦ 3
14 апреля, 1943

Лично

Майору морской пехоты У. Мартину,
Клуб армии и флота,
Полл-Молл, Лондон, ЮЗ 1

Дорогой сэр,

Мне стало известно, что, несмотря на повторные обращения к Вам, превышение Вашего кредита, составляющее 79 фунтов 12 шиллингов 2 пенса, все еще не покрыто.

Обстоятельства заставляют меня сообщить Вам, что, если эта сумма плюс 4% не будет внесена Вами, нам придется принять необходимые меры для защиты наших интересов.

Искренне Ваш

Э. Уиттли Джонс,

Главный, управляющий.

Мы устроили так, чтобы письмо из банка, которое следовало послать майору Мартину в Военно-морской клуб, якобы ошибочно направили в Клуб армии и флота на Полл — Молл, где портье написал на конверте: «По этому адресу не значится». И приписал: «Возможно, Военно-морской клуб, Пикадилли, 94». С

нашей точки зрения, это надпись весьма убедительно доказывала подлинность письма, поэтому мы решили, что майор Мартин будет хранить его в конверте.

Один из нас связался с Военно-морским клубом, и оттуда мы получили счет, помеченный 24 апреля, в котором указывалось, что майор Мартин, член клуба, жил там с 18 по 23 апреля включительно. Это свидетельствовало о том, что 24 апреля Мартин находился еще в Лондоне.

Так же сравнительно легко мы достали счет за обручальное кольцо. Я выбрал фирму «С. Дж. Филлипс» на Бонд-стрит, имеющую международные связи в торговле ювелирными изделиями. В Германии, думал я, вероятно, найдутся счета этой фирмы, и сравнение с ними убедит наших «друзей» в подлинности, счета майора Мартина. Счет был датирован 19 апреля, но из него явствовало, что кольцо куплено 15-го.

Разумеется, мы сталкивались с трудностями, добывая эти и другие документы, — ведь мы не могли сказать, для какой цели они нам нужны. Если просто попросить подобные документы и сказать, что они необходимы для секретных целей, это обязательно вызовет разговоры. С другой стороны, если придумать правдоподобную причину, то на людей, к которым приходится обращаться, можно положиться.

Итак, по моей версии кто-то интересуется офицерами, которые временно ощущают нехватку денег. Нам, мол, нужны документы, которые указывали бы на недостаток денег и которые можно оставить в комнате одного офицера, где их увидит подозрительный человек. Тогда мы сможем понаблюдать за его поведением. Всем моя история казалась вполне реальной, нам охотно помогали и никто нас не подвел.

Теперь, когда все документы были готовы, требовалось найти «героиню».

Прежде всего нам была нужна фотография Пэм — невесты майора Мартина. Мы попросили наиболее привлекательных девушек из различных отделов Адмиралтейства одолжить нам свои фотографии якобы для проведения опознания одной женщины. Это делают, смешав большое количество фотографий совершенно невиновных людей с двумя или тремя фотографиями подозреваемого лица, чтобы свидетель мог выбрать из них фото того человека, о котором идет речь. Девушки дали нам по несколько фотографий, и мы собрали довольно солидную коллекцию. Из нее мы выбрали одну, а остальные через неделю вернули. Девушка — владелица фотографии — имела доступ к совершенно секретным документам, и мы могли сказать ей, что хотим использовать ее фотографию в качестве снимка вымышленной невесты в одной операции, которую мы проводим. Она дала согласие. Теперь встал вопрос о письмах.

Никто из нас не горел желанием написать любовные письма — в конце концов, мы не имели женской точки зрения на любовь. Просить же знакомую женщину

написать, первосортную «песню любви» — дело щепетильное. Поэтому мы попросили девушку, работавшую в одном из наших учреждений, уговорить кого-нибудь из своих приятельниц сделать это. Она согласилась, но так и не назвала нам имя той, которая написала два великолепных письма майору Мартину. Я решил, что первое письмо будет написано на почтовой бумаге моего шурина, ибо, на мой взгляд, ни один немец не устоит перед чисто английским адресом, который там стоял: «Мэннор-Хаус, Огборн — Сент-Джордж, Мальборо, Уилтшир». Вот это письмо, датированное воскресеньем 18 апреля:

Мэннор-Хаус,
Огборн-Сент-Джордж,
Мальборо, Уилтшир.

Телефон: Огборн-Сент-Джордж, 242

Воскресенье, 18-е

Мне кажется, дорогой, провожать на вокзал таких людей, как ты, — одно из самых скверных занятий. Отходящий поезд оставляет такую пустоту в душе, что безнадежно пытаться заполнить ее всеми теми вещами, которые доставляли удовольствие пять недель назад. Этот чудесный золотой день, который мы провели вместе! О, я знаю, это уже говорилось раньше, но *если бы* время могло иногда остановиться на мгновение !.. Но не надо, возьми себя в руки, Пэм, и не будь глупышкой.

Мне стало немного легче от твоего письма, но я задеру нос, если ты не перестанешь так говорить обо мне. Я ведь совсем не такая и боюсь, ты сам скоро это увидишь. Вот я приехала сюда на воскресенье, в это благословенное место. И мама, и Джейн очень милы, они все понимают, а я не могу выразить словами, как мне тоскливо. И я жду понедельника, чтобы вернуться к своей работе и немного забыться. Какая идиотская потеря времени!

Билл, милый, напиши мне, как только ты устроишься и твои планы станут более определенными. И, *пожалуйста*, не дай им отправить тебя куда-то в голубые просторы, как это принято делать теперь, теперь, когда мы нашли друг друга в этом большом мире. Мне кажется, я не вынесу этого...

Люблю тебя всем сердцем.

Пэм.

Второе письмо она написала на простой канцелярской бумаге. Сначала почерк был довольно четким, потом внезапно сменился торопливыми каракулями: вернулся начальник, надо заканчивать (!). Вот это письмо:

Контора

Среда, 21-е

Ищейка покинула свою конуру на полчаса, и вот и снова пишу тебе всякую ерунду. Я получила твое письмо сегодня утром, когда выбегала из дому, — опаздывая, как всегда. Какое божественное письмо. Но почему такие мрачные намеки относительно того, что тебя могут куда -то отправить?! *Конечно*, я сохраню все в тайне — я ни с кем не делюсь тем, что ты мне рассказываешь. Тебя посылают за границу, да? Я этого не хочу. НЕ ХОЧУ, передай им это от меня. Милый, почему так случилось, что мы встретились во время войны? Как все нелепо. Если бы война кончилась, мы уже были бы почти женаты и ходили бы вместе по магазинам, выбирая занавески и т. п. И я бы не сидела в этой мрачной конторе и не печатала бы целый день idiotские протоколы. Я знаю, это бесполезная работа, которая ни на минуту не приближает окончания войны...

Милый Билл, мне так нравится мое кольцо — это скандальное расточительство, хотя, ты знаешь, я обожаю бриллианты, — я просто не могу оторвать от него глаз.

Сегодня иду на какую-то скучную танцульку с Джеком и Хейзл. Мне кажется, они пригласили еще какого-то мужчину. Ты знаешь, какими всегда оказываются их друзья. У него обязательно будет торчать кадык и блестеть лысая макушка. Неблагодарно с моей стороны говорить так, но не в этом дело — ты ведь знаешь, да?

Послушай, милый, я свободна в следующее воскресенье и в понедельник, на пасху. Я, конечно, поеду к своим. Пожалуйста, приезжай тоже, если сможешь. А если не сможешь уехать из Лондона, я приеду к тебе, и мы отлично проведем вечер. (Да, кстати, тетя Мэриэн велела привести тебя к обеду в следующий раз, когда я у нее буду, но это можно отложить, правда?)

Идет ищейка. Куча любви и поцелуй.

Пэм.

Мы считали, что нам повезло с любовными письмами.

В роли отца майора Мартина выступил молодой офицер, который создал блестящий *tour de Force*{8}.

Письмо от 13 апреля и приложение к нему были столь характерны для лица старых времен, что выдумать их казалось просто невыносимым. Никто, кроме человека старой школы, не мог бы написать так. Вот это письмо и приложение:

Тел. № 98

Гостиница «Черный лев»,

Молд, Северный Уэльс

13 апреля, 1943

Мой дорогой Уильям ,

Я не могу сказать, что эта гостиница сейчас так же удобна, как в довоенное время. Однако я остановился здесь, поскольку это единственная возможность не навязывать себя еще раз твоей тетке, чей дом, в связи с уменьшением количества слуг и строгой экономией топлива (я признаю это необходимым в военное время), стал почти непригодным для жилья, по крайней мере для человека моего возраста. Я собираюсь пробыть в Лондоне 20 и 21 апреля, когда, несомненно, представится возможность встретиться с тобой. Прилагаю копию письма о твоих делах, написанного мною Гуоткину в контору фирмы «Мак — Кенна и К°». Как ты увидишь, я пригласил его позавтракать со мной в «Карлтоне» (который, как мне известно, еще открыт) без четверти час в среду, 21 апреля, и я буду очень рад, если ты найдешь возможность присоединиться к нам. Мы, однако, не станем откладывать завтрак из-за тебя, поэтому я надеюсь, что ты, если сможешь прийти, постарайся быть пунктуальным.

Твоя кузина Присцилла просила передать тебе привет. Она выросла и стала разумной девушкой, хотя я не могу сказать, что ее работа в добровольческой сельскохозяйственной армии благотворно сказалась на ее внешности. Боюсь, в этом отношении она похожа на своих родственников с отцовской стороны.

Твой любящий отец.

Копия

Тел. № 98

Гостиница «Черный лев»,
Молд, Северный Уэльс

10 апреля

Мой дорогой Гуоткин,

Я обдумал Ваше последнее предложение относительно тех денежных расчетов, которые я собираюсь произвести в связи со свадьбой Уильяма. Условия брачного контракта, которые Вы наметили, кажутся мне вполне разумными, за исключением одного пункта. Поскольку в данном случае семья жены не вносит своей лепты, я считаю неправильным, чтобы жена Уильяма после его смерти сохранила пожизненное право на тот капитал, который обеспечиваю я. Я согласился бы на это только в том случае, если в результате брака появятся дети. Поэтому я прошу Вас переписать проект брачного договора с гарантией, что, если у Уильяма будут дети, доход с капитала выплачивается жене только до тех пор, пока она снова не выйдет замуж или дети не достигнут совершеннолетия. После этого капитал переходит в распоряжение детей.

Я приеду в Лондон 20 апреля. Буду очень рад, если Вы согласитесь позавтракать со мной в «Карлтоне» без четверти час в среду, 21-го. Если Вы принесете с собой новый проект, мы сможем изучить его после завтрака. Я написал Уильяму и надеюсь, он присоединится к нам.

Искренне Ваш

Д ж. Мартин.

Ф. А. С. Гуоткин, эсквайр,
«Мак-Кенна и К°»,
14, Уотерлоу-Плейс,
Лондон. ЮЗ 1.

Мы выбрали гостиницу «Черный лев» в Молде не только из-за ее чисто английского адреса, который сам по себе был очень убедительным. Мы учитывали также, что майор Мартин родился в Кардиффе. Надеюсь, владельцы гостиницы простят нам, что мы воспользовались их почтовой бумагой и поставили под сомнение удобства, которыми справедливо славится «Черный лев».

И. наконец, я попросил своего приятеля, служащего фирмы, нанести последние штрихи на картину письмом на почтовой бумаге фирмы «Мак-Кенна и К°».

«Мак-Кенна и К°», Поверенные в делах
Исходящий Мак-Л / Едж
14, Уотерлоу-Плейс, Лондон, ЮЗ 1.

19 апреля, 1943

Дорогой сэр,

Мы благодарим Вас за вчерашнее письмо, в котором Вы возвращаете одобренным проект Вашего завещания. Мы включим пункт о даре в 50 фунтов Вашему вестовому. Мистер Гуоткин вручит Вам чистовой экземпляр, когда встретит Вас за завтраком 21-го сего месяца, с тем чтобы Вы могли его подписать.

Налоговый инспектор затребовал у нас сведения о размере Вашего денежного содержания за 1941–1942 гг. для установления суммы пособия, которое Вам следует получить в текущем году. Мы обнаружили, что у нас таких данных нет, и поэтому будем Вам признательны, если Вы их нам сообщите.

Искренне Ваши «Мак-Кенна и К°».

Майору У. Мартину,
Военно-морской клуб,

94, Пикадилли,
Лондон, 31

Когда мы прочли подряд все эти документы, они вызвали у нас представление о живом человеке. Мы считали, что большего сделать нельзя с помощью тех немногих бумаг, которые по логике вещей могут быть найдены в карманах погибшего офицера.

Мы приняли некоторые меры предосторожности, прежде чем «вручить» эти письма майору Мартину: все письма, кроме любовных, я носил в своих карманах несколько дней, чтобы они имели нужный вид. С любовными письмами было труднее, особенно с одним из них, написанным на очень тонкой бумаге. Майор, конечно, читал их и перечитывал, и они не могли выглядеть так, будто он их недавно получил. Один из наших офицеров предложил просто смять их и расправить. Но если кусок бумаги смять, никакое разглаживание не скроет того, что он был смят. А разве Билл Мартин смял бы эти письма! И я делал то, что делал бы он: снова и снова читал их и аккуратно складывал. Только в отличие от него я регулярно тер их о свои брюки.

7. Майор Мартин собирается на войну

Итак, мы тщательно готовились к операции, хотя она еще не была окончательно одобрена.

Изучив письмо сэра Арчибальда Ная, Комитет начальников штабов в принципе согласился на операцию. Теперь требовалось разрешение на то, чтобы провести ее в жизнь. На этой стадии столкновение интересов было неизбежным. Начальники штабов, естественно, не хотели связывать себя информацией, содержащейся в письме, ибо наш стратегический замысел мог измениться (как это случалось не раз!). С другой стороны, письмо должно было попасть в Испанию к началу мая, если мы хотели, чтобы операция дала результат. Немецкой разведке, когда она получит эти сведения, потребуется время убедиться в их «подлинности», оценить их и передать свои выводы в штаб. Последнему необходимо время на передислоцирование войск в район нашей «предполагаемой» высадки. Кроме того, если мы хотели заставить немцев прекратить работы по укреплению Сицилии, то не стоило ждать, пока строительство оборонительных сооружений будет закончено.

Комитет начальников штабов признал правильность наших доводов и дал согласие на проведение операции, при условии если ее одобрит премьер-министр, которому о нашем плане доложили через генерала Исмея.

Когда премьер-министру сказали, что в случае неудачи операции есть риск выдать наше намерение высадиться в Сицилии, он заметил:

— Вряд ли это имеет значение. Только дурак может не понимать, что мы нацелились на Сицилию.

Мы сочли своим долгом сообщить также, что операция может не дать результатов, поскольку тело могут обнаружить испанцы, не связанные с немцами. Тогда бумаги вернутся к нам в неприкосновенности. На это премьер-министр улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, мы всегда можем попытаться снова!

Итак, мы получили «добро», правда при условии, что наш план будет доведен до сведения генерала Эйзенхауэра. Если у него возникнут возражения или если стратегические замыслы союзников изменятся до того, как тело будет спущено в море, операцию придется отменить тем путем, о котором сказано в пункте 8 приказа лейтенанту Джуэллу.

Теперь мы должны были приступить к наименее приятной части подготовки операции — приготовить тело к его миссии.

Эта работа не вызывала у нас энтузиазма. Хотя мы знали, какую большую службу сослужит стране наш майор (в этом мы не сомневались), нам было неприятно нарушать его покой.

Мартин стал для нас по-настоящему живым человеком. Мы знали его так, как знают только близких друзей. В конце концов, не каждому дают читать столь нежные письма от своей возлюбленной и интимные письма от отца. Нам казалось, будто мы знаем Билла Мартина с детства и теперь принимаем личное участие в развитии его романа с Пэм и во всех его финансовых неприятностях. Мы могли смело утверждать, что знаем его лучше, чем большинство отцов знают своих сыновей. Создавая живого Мартина, мы изучали каждую его мысль и старались предвидеть реакцию майора на любое событие, которое «может» произойти в его жизни.

Так что перспектива посещения холодильника, где лежал труп, не доставляла нам никакого удовольствия. Между тем Джорджу и мне пришлось посетить это место трижды. В первый раз мы нарушили покой нашего майора для того, чтобы попытаться сфотографировать его и заодно выяснить, каких размеров одежда и обувь ему потребуется. Потом мы сочли необходимым нанести Мартину второй визит: надо было одеть его в дорогу. Полностью одеть труп, начиная с белья, нелегко (мы убедились в этом, еще когда фотографировали его), однако с одеванием мы справились довольно быстро. Но ботинки! Попробуйте надеть их на покойника — и вы поймете наше затруднение. Это было серьезное препятствие, и мы потратили немало времени, пока преодолели его.

Наш третий визит состоялся в субботу, 17 апреля 1943 года, в 6 часов вечера. Мы отправились к майору Мартину, чтобы сделать последние приготовления к путешествию. Сначала мы разложили по его карманам личные письма, бумажник,

С пропусками и все остальное, что должно было находиться при нем. Потом мы добавили небольшую денежную сумму, какую мужчина обычно имеет при себе. Окончательный список предметов, которые мы «вручили» майору Мартину, оказался довольно внушительным:

Два личных знака («Майор У. Мартин, королевская морская пехота», «Р/К»{9}, прикрепленные к подтяжкам.

Серебряный крестик на серебряной цепочке на шее.

Наручные часы, бумажник.

В бумажнике имелись:

Фотография «невесты».

Книжечка с почтовыми марками (две использованы).

Два письма от «невесты».

Значок с изображением святого Христофора.

Пригласительный билет в «Кабаре-клуб».

Пропуск в штаб морских десантных операций.

Удостоверение личности (пропуск и удостоверение в целлофановой обертке).

Одна пятифунтовая ассигнация.

Три однофунтовые ассигнации.

Одна монета в полкроны.

Две монеты по шиллингу.

Две монеты по 6 пенсов.

Четыре монеты по 1 пенсу.

Письмо от «отца».

Копия письма «отца» фирме «Мак — Кенна и К°».

Письмо из «Ллойдс Банка».

Счет (оплаченный) из Военно-морского клуба.

Счет (оплаченный наличными) из военного магазина.

Счет за обручальное кольцо (неоплаченный).

Два автобусных билета.

Два билета без корешков в Театр принца Уэльского, датированных 22 апреля 1943 года.

Коробок спичек.

Пачка сигарет.

Связка ключей (в том числе ключ от портфеля).

Карандаш.

Письмо от фирмы «Мак-Кенна и К°».

Объясню, откуда взялись билеты в Театр принца Уэльского.

Как я говорил, мы отправились за майором Мартином 17 апреля. Ему предстояло покинуть Англию 19-го, чтобы быть спущенным в море недалеко от берегов Уэльвы 29 или 30 апреля. Но если бы он путешествовал по воздуху (а в этом мы хотели убедить немцев), путь занял бы у него только один-единственный день. Обсудив эту разницу во времени, мы решили работать над расписанием в обратном порядке. Если отнять от даты прибытия майора Мартина в Уэльву, то есть примерно 30 апреля, пять или шесть дней, в течение которых тело могло доплыть до берега в случае гибели самолета в море (мы рассчитывали, что степень разложения тела поддержит впечатление, что с момента катастрофы прошло именно столько времени), то это покажет дату вылета Мартина из Лондона — примерно 24 апреля. По этой причине счет за номер в Военно-морском клубе был помечен этим числом. Но здесь Джорджу пришла в голову еще одна блестящая идея: если кто-нибудь увидит театральные билеты с оторванными корешками, он предположит, что билеты были использованы, так? Почему бы нам не купить театральные билеты на число, когда тело фактически покинет Лондон? Итак, по нашей воле Билл Мартин и Пэм проведут прощальный вечер в театре. Нам казалось, они получают удовольствие от посещения Театра принца Уэльского. Мы купили четыре билета на спектакль (почему четыре, я объясню потом), оборвали у двух корешки и положили в карман майора Мартина. Нужно сказать, что билеты сыграли свою роль, в то время как на счет из Военно-морского клуба ни испанцы, ни немцы не обратили внимания.

И наконец, портфель с важными документами. Здесь мы немного изменили наш первоначальный замысел, о котором я поставил в известность лейтенанта Джуэлла. Мы собирались отвезти портфель в Клайд отдельно от контейнера и

передать его на попечение лейтенанта Джуэлла, но потом установили, что портфель лучше уложить в контейнер вместе с телом. Мы так и поступили, чтобы обезопасить операцию от всякой забывчивости Джуэлла во время спуска тела у берегов Испании. Лейтенанта Джуэлла ждали серьезные трудности (особенно если море окажется бурным), связанные со спуском тела на воду и обеспечением безопасности корабля. И будет очень обидно, если майора Мартина прибьет к берегу, а его портфель останется в сейфе Джуэлла.

Разложив перечисленные выше предметы по карманам майора Мартина и прикрепив портфель, мы завернули тело в одеяло, чтобы уберечь его от повреждений во время путешествия. Еще раньше мы поставили контейнер вертикально и наполнили его сухим льдом. Когда лед испарился, мы снова наполнили контейнер льдом и снова дали ему испариться. Затем мы подняли тело майора Мартина, бережно опустили его в контейнер, теперь наполненный двуокисью углерода, и обложили кусками сухого льда. Наконец, мы закрыли крышку и закрутили болты. Майор Мартин был готов отправиться на войну.

8. Путешествие на север

Наконец все мы готовы: Джордж, я, Джон Хорсфол, автогонщик, выполнявший специальные задания военного министерства, фордовский грузовичок и, конечно, майор Мартин в своем контейнере.

Наше путешествие едва не окончилось сразу же после того, как началось, и вот почему. Когда мы выехали из холодильника и направились на квартиру Джорджа в Лондоне, мы заметили около кинотеатра длинную очередь. Это были желающие попасть на новый приключенческий фильм. И тут у всех нас мелькнула одна и та же мысль — остановиться бы и сказать им: «Бросьте вы этот фильм! Мы можем рассказать вам куда более интересную историю и притом невыдуманную. Загляните-ка в наш контейнер!» Один из нас высказал эту мысль вслух, и мы принялись так хохотать, что Джон налетел на столб...

Но все обошлось благополучно. Целые (и почти невредимые) мы добрались до квартиры Джорджа. Там пообедали, по очереди присматривая за грузовиком. Если бы вор украл наш контейнер, его постигло бы крупное разочарование, но, конечно, несравнимое с нашим. Потом мы приготовили себе бутерброды и наполнили термос (нам нельзя будет оставлять машину ни на минуту).

Закончив приготовления, мы отправились в Гринок. Машину вели по очереди Джон и я. Путешествие было долгим и утомительным. Ехали мы, конечно, с замаскированными фарами. В одном месте нам удалось проскочить через закрытый для движения участок дороги, к счастью довольно ровный и поросший травой. Рокот самолетов над головой беспокоил нас. «Сераф» отплывала 19-го, но мы спешили, так как лейтенант Джуэлл просил нас прибыть до полудня 18-го, на случай непредвиденных трудностей при погрузке контейнера. Всю ночь мы не останавливались ни на минуту, по очереди отдыхая в кузове.

Мы прибыли в Гринок рано утром 18-го и сразу проехали к пирсу, где нас должен был встретить катер, чтобы отвезти к плавучей базе подводных лодок «Форт».

Здесь-то и начались неприятности. Я предвидел трудности, связанные с погрузкой контейнера на катер, и поэтому радиogramмой от имени начальника разведывательного управления военно-морского штаба заранее предупредил, что у нас по прибытии будет одно («повторяю — одно») место весом более 150 килограммов, и просил оказать помощь при его погрузке. Как это, к сожалению, часто случается — радиogramму исказили, и в ней говорилось, что наш багаж весит 150 килограммов и состоит из нескольких мест..

В результате наше положение выглядело следующим образом: катер в ожидании погрузки раскачивался на крупной волне, а один — единственный человек, посланный нам в помощь, не захватил канатов и ничего не мог для нас сделать. Он суетился возле контейнера, но было совершенно ясно, что благополучно опустить его в катер мы не сможем.

Я поспешил в штаб к флагманскому офицеру, надеясь найти там поддержку. И счастье вновь улыбнулось нам. Дежурным офицером оказалась девушка из женского вспомогательного корпуса, которая была прикомандирована к отделу связи в Халле, когда я служил там в штабе. Мы встретились как старые друзья, и скоро все было улажено. Я вернулся на пирс с полдюжиной матросов и канатом, и мы благополучно спустили контейнер в трюм катера.

Вскоре мы прибыли на плавбазу «Форт», где я передал майора Мартина лейтенанту Джуэллу вместе с резиновой лодкой, которую он должен был спустить в море одновременно с телом. Чтобы инсценировать несчастный случай, мы решили оставить в лодке только одно складное алюминиевое весло и выбросить ее вверх дном. Другое весло я оставил себе и до сих пор храню его как сувенир. Позднее выяснилось, что резиновая лодка не сыграла никакой роли: о ней «позаботились» испанские рыбаки, для которых тело не представляло ценности. Надеюсь, она им пригодилась.

Контейнер погрузили на подводную лодку, и я окончательно договорился обо всем с лейтенантом Джуэллом. В последней беседе я предложил, чтобы он, если можно, спустил тело на воду только в присутствии офицеров. Это сокращало до минимума число людей, посвященных в операцию, и, таким образом, уменьшало возможность «утечки». А нам хотелось иметь как можно больше гарантий на этот счет, ибо история о мертвом теле, выброшенном у берегов Испании, настолько необычна и увлекательна, что даже самые стойкие могли не удержаться от разговоров.

Если Джуэллу удастся ограничиться помощью одних только офицеров, ему, естественно, придется придумать какую-нибудь историю для экипажа. Матросы, конечно, обратят внимание на то, что груз, предназначенный к отправке на Мальту, поднимают на палубу у берегов Испании, а потом он

навсегда исчезает. По моему предложению Джуэлл должен был сказать матросам, что это не оптические инструменты, а метеорологический буй, который им приказано поставить у побережья. Если же для спуска тела на воду потребуется помощь остальных членов экипажа, он использует ту историю, которая изложена в боевом приказе.

Договорившись обо всем, мы возвратились в Лондон. Донесение об «операции Минсмит», которое мы представили своему начальству, заканчивалось так: «19 апреля 1943 года в 18.00 по английскому летнему времени подводная лодка «Сераф» вышла в море».

9. Опуск тела

И вот наступил период волнений. Я никогда не сомневался в успехе операции, но теперь, когда она вышла из-под моего контроля, опасался срыва. Как ни странно, я беспокоился не о том, догадаются ли немцы об обмане (я был уверен, что этого не произойдет), я беспокоился о теле. Прибьет ли его к берегу или после стольких усилий дело кончится провалом? А в самые худшие моменты я даже зрительно представлял себе, как «Сераф» попадает в неприятность возле Уэльвы, куда ей пришлось отправиться по нашему плану...

С моими волнениями мне помогли справиться дела, а их у меня было достаточно! И по крайней мере один вечер в этот период томительного ожидания мы провели очень весело.

Глупо было выбрасывать корешки, если сами билеты лежали в кармане майора Мартина. Поэтому мы, как я уже говорил, купили тогда не два, а четыре билета и положили в карман майору Мартину два средних билета из этих четырех.

Затем Джордж и я пригласили на «прощальный вечер с Биллом Мартином» Джил, девушку, которая достала нам любовные письма, и «Пэм», давшую нам свою фотографию. Мы начали вечер с посещения Театра принца Уэльского. Администратор впустил нас в зал лишь после того, как мы объяснили ему, что один наш приятель оторвал корешки двух билетов «ради шутки». Мы не сказали ему, что это была «шутка» над немцами.

После театра мы отправились в клуб «Гаргоель» поужинать. Там нам отвели столик, возле которого стоял диванчик и два стула. Я предложил девушкам сесть на диван, но Джил повернулась к Джорджу и сказала:

— Меня удивляют взаимоотношения Билла и Пэм. Они обручились совсем недавно, а сидеть рядом во время прощального ужина по случаю его отъезда за границу не собираются.

Пара за соседним столиком посмотрела на нас и прислушалась.

— Мы знаем друг друга всего лишь несколько дней, — ответил я. (Было зарегистрировано явное неодобрение за соседним столом.)

После короткой паузы я добавил, что все было бы иначе, если бы Пэм и я познакомились раньше. Даже мой начальник признал недавно в одном письме{10}, что, хотя я на вид кажусь тихим, на самом деле я кое в чем разбираюсь. Пара за соседним столом посмотрела на нас с еще большим неодобрением, а потом поднялась и пошла танцевать.

Не могу не рассказать еще об одном забавном случае, который произошел в результате отождествления меня с Биллом Мартином. «Пэм» подарила мне свою фотографию (такую же, как та, что отправилась в Испанию в бумажнике Билла Мартина) с надписью: «Пока нас не разлучит смерть. Твоя любящая Пэм». Вполне безопасная надпись, ибо «я» уже был «мертв». В то время я жил у своей матери. Желая узнать, как она отнесется к моему «увлечению», я поставил фотографию на свой туалетный столик. Я был разочарован — она ни слова не сказала мне. Примерно через год, когда моя жена вернулась из Америки (где она работала в нашей службе координации безопасности), я показал ей фотографию.

— Так вот почему твоя мать стала писать в письмах, что, как ей кажется, мне следует побыстрее вернуться домой! — к моему изумлению, сказала она.

Пока мы томились в ожидании, «Сераф» без приключений достигла берегов Испании. Первое сообщение, полученное 30 апреля по заранее подготовленной системе связи, гласило, что «операция Минсмит» завершена. За этим последовало донесение лейтенанта Джуэлла, посланное из Гибралтара:

Лично и совершенно секретно.
От командира подводной лодки «Сераф»

30 апреля, 1943

Начальнику разведывательного управления
военно-морского штаба.

Копия капитан-лейтенанту И. Монтегю, лично.

ОПЕРАЦИЯ МИНСМИТ

1. Погода. Ветер переменный — юго-западный до юго-восточного, силой до 2 баллов; волнение — 2 балла; небо затянуто низкими облаками; видимость — от 1 до 2 миль; барометр 1016.

2. Рыбачьи лодки. В заливе оказалось много небольших рыбачьих лодок. Ближайшая находилась слева на расстоянии примерно одной мили. Нет оснований считать, что подводная лодка была замечена.

3. *Операция*. Время 04.30 было выбрано по двум причинам. Во-первых, оно ближе всего ко времени полного отлива (07.31) и, во-вторых, в этом случае подводная лодка успевала уйти из прибрежного района до наступления светлого времени. Контейнер открыли в 04.15, тело было извлечено, одеяло снято; портфель оказался надежно прикрепленным, спасательный жилет — надутым. Тело опустили в воду ровно в 04.30, примерно в 8 кабельтовых от побережья, оно поплыло по направлению к берегу. Резиновую лодку спустили на воду в надутом состоянии, вверх дном, примерно на полмили южнее. Затем подводная лодка отошла мористее, и за борт был выброшен наполненный водой контейнер с одеялом внутри. Контейнер сначала не погружался, но, после того как его прострелили из винтовки и пистолетов с очень близкого расстояния, затонул. Место затопления контейнера — 37° сев. широты, 7° зап. долготы; глубина моря согласно измерениям — 564 метра. Донесение о завершении операции было передано в 07.15.

Проба воды, взятая близ побережья, прилагается.

Лейтенант Н. А. Джуэлл

Позже я получил более подробный отчет об этой операции, написанный офицером «Сераф». Он попал ко мне из вторых рук, а так как посредник по профессии журналист, его описание получилось значительно ярче того, что мог бы написать я. Поэтому привожу его дословно:

«Подводная лодка «Сераф» вынырнула из тени своей плавучей базы и направилась вниз по реке Клайд. Командир — ему едва исполнилось 29 лет — отсалютовал из боевой рубки и спустился вниз.

Из пяти офицеров и пятидесяти матросов, находившихся на борту «Сераф», только он один знал тайну странного груза.

Цилиндрический стальной контейнер находился в носовом отсеке подводной лодки. Матросы, которые занимались его погрузкой, отпускали шуточные замечания насчет «тела Джона Брауна». Немало было остроумий и относительно «нашего нового матроса Чарли», как его называли другие.

Сегодня, десять лет спустя, эти пятьдесят бывших членов экипажа «Сераф» изумятся, узнав, как близко они были к истине.

На инструктаже перед выходом в море им сказали, что металлический контейнер содержит секретное метеорологическое устройство, которое решено выставить в порядке эксперимента у берегов Испании. На контейнере и в самом деле была надпись: «Обращаться осторожно — Оптические инструменты — Особая отправка».

В течение десяти дней «Сераф» шла в подводном положении и экипаж не видел солнца. Всплывали на поверхность только по ночам. К Уэльве, что находится в

юго-западной части испанского побережья, подошли незамеченными и точно в срок — 29 апреля.

Место, выбранное для спуска «майора Мартина», находилось примерно в 1500 метрах от устья реки Уэльва.

Во второй половине дня «Сераф» всплыла на перископную глубину. В перископ увидели примерно 50 рыбацких суденышек. Однако туман помог подводной лодке избежать обнаружения. Затем она ушла на глубину на весь остаток дня.

Когда «Сераф» снова всплыла, было совсем темно. Молодая луна уже зашла, близилось время прилива.

Из боевой рубки на палубу вышли пять офицеров. Морские волны плескали у самых ног. На палубу подняли загадочный контейнер.

Убедившись, что все матросы внизу, лейтенант Джуэлл сообщил офицерам, что в контейнере труп. «То что нам предстоит сделать, — сказал он, — представляет собой часть операции, которая должна ввести противника в заблуждение и заставить его оттянуть свои оборонительные силы от того района, который избран для нанесения основного удара на Средиземном море. Ложный план операции по вторжению будет передан противнику при помощи этого человека, «майора Мартина», который стал «жертвой авиационной катастрофы» над морем. Уэльва выбрана потому, что в этом районе местные коллаборационисты активно снабжают немецкий агентов сведениями военного характера».

Вот так история, которой тебя вдруг оглушают в Атлантическом океане! Четыре офицера, безусловно потрясенные драматическим и страшным сообщением своего командира, скрыли свое волнение. Только один из них сказал: «А разве мертвое тело не приносит несчастья?»

Затем все пятеро принялись за дело. Двое наблюдали за морем, а остальные во главе с лейтенантом Джуэллом стали отвинчивать болты на крышке контейнера при помощи гаечного ключа. Через десять минут контейнер открылся. Тело, завернутое в одеяло, осторожно вынули из металлического гроба. На какое-то мгновение напряжение спало, офицеры вытянулись в молчаливом уважении к мертвому.

Лейтенант Джуэлл опустился на колени, развязал шнурки и снял одеяло.

Затем последовала последняя проверка. В порядке ли форма майора и его знаки различия? Держит ли его рука ручку этого чрезвычайно важного портфеля? Хорошо ли прикреплен портфель к поясу?

Все было в порядке. Джуэлл наклонился и надул спасательный жилет майора. Оставалось только одно, хотя этого не требовала инструкция. Четыре молодых

офицера склонили обнаженные головы, отдавая последний долг умершему, а их командир произнес слова из заупокойной молитвы, которые он помнил.

Для них, стоявших здесь в молчании, эти слова из 38-го псалма имели особый смысл: «Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешить мне языком моим, буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною».

...Легкий толчок — и неизвестный боец поплыл к берегу в свой последний и важный путь. «Майор Мартин» отправился на войну».

Риск, на который пошел лейтенант Джуэлл, подойдя так близко к берегу, дал нам все возможные шансы на успех. Теперь оставалось только выждать и следить за тем, как майор Мартин сыграет свою роль.

10. Майор Мартин прибывает в Испанию

3 мая мы получили донесение от нашего военно-морского атташе в Мадриде. В нем говорилось, что, по сообщению вице-консула из Уэльвы, 30 апреля недалеко от берега рыбаки подобрали тело майора морской пехоты Мартина. Тело было передано вице-консулу и погребено с отданием всех воинских почестей на следующий же день на кладбище в Уэльве, причем на похоронах присутствовали испанские военные и гражданские власти. В донесении не упоминалось ни о портфеле, ни о каких-либо официальных бумагах.

И вот начался обмен радиограммами между Адмиралтейством и военно-морским атташе. Это и понятно: когда о гибели майора Мартина стало известно в Англии, штаб морских десантных операций стал проявлять беспокойство о стратегической информации, заключенной в бумагах Мартина. Возможность «утечки» была совершенно катастрофической. Естественно, что при создавшихся обстоятельствах нужно было срочно просить атташе попытаться достать документы любой ценой. Мы так и поступили, и в адрес атташе одна за другой были отправлены несколько соответствующих радиограмм.

В первой, от 4 мая, говорилось, что майор Мартин имел при себе бумаги весьма секретного характера. Мы просили атташе сделать официальный запрос о них. Если испанцы не передадут ему эти документы, он должен, причем очень осторожно, выяснить в Уэльве, не прибило ли их к берегу, и, если да — узнать, что с ними произошло. Если их удастся обнаружить, атташе должен сообщить лично начальнику военно-морской разведки имена тех, кому были адресованы бумаги Мартина. Он обязан вернуть их как можно скорее начальнику разведывательного управления ВМС, не вскрывая конвертов.

Затем последовала вторая радиограмма такого содержания: по имеющимся данным, у майора Мартина было три письма чрезвычайной важности, они, как предполагается, лежали в черном портфеле с официальной монограммой. Атташе снова предупредили, что он ни в коем случае не должен возбуждать у испанцев интерес к этим документам.

Как мы узнали из ответа на нашу первую радиограмму, испанский военноморской министр, отвечая на официальный запрос, сообщил, что документы обнаружены и отправлены в Мадрид через главный штаб испанских военноморских сил в Кадиксе и придут через несколько дней. Аташе выяснил, что вице-консул в Уэльве не видел ни портфеля, ни документов.

13 мая аташе сообщил следующее. Начальник испанского военноморского штаба (военноморской министр был в отъезде) передал ему все вещи майора Мартина, включая черный портфель. Последний был открыт, ключ находился в замке. «Все цело», — заверил начальник штаба, и аташе поблагодарил его.

По мнению аташе, начальник военноморского штаба знал о содержании писем. В то же время аташе считал, что у нас нет оснований думать, что он передал эти сведения кому-то еще. Отлично, пусть этот офицер будет вне подозрений. Но если он знал о содержании писем, мы могли смело надеяться, что их содержание известно и другим. Все шло хорошо, «утечка» началась.

Подтверждение этому мы нашли в следующем донесении аташе.

В субботу, 15 мая, военноморской министр говорил с аташе об этих документах. Находясь в Валенсии, он, министр, узнал о прибытии бумаг в Мадрид и приказал начальнику военноморского штаба немедленно передать их аташе. По его словам, он сделал все для того, чтобы никто не успел ознакомиться с документами.

Это было очень важно: министру до его отъезда из Мадрида не было сказано ничего, что могло бы заставить его так беспокоиться о документах. Было ясно, что конверты вскрыты. А раз так, значит, есть по крайней мере один испанец, который «знает, в чем дело» и передаст сведения немцам. А насколько тесно сотрудничали немцы и испанцы, мы узнали только после войны.

Тем временем осторожная проверка, проведенная нами в Уэльве, позволила установить подробности, которые еще не были известны нам. Тело заметил рыбак, который подозвал находившийся поблизости катер. Катер взял майора Мартина на борт и доставил его на берег. Там тело передали офицеру, который командовал отрядом, располагавшимся в этом месте, затем вызвали военного юриста. Юрист взял на себя ответственность за все документы и личные вещи майора. Тело перевезли в морг Уэльвы для медицинского обследования. Врач, проводивший вскрытие, определил, что человек упал в море еще живым и что смерть наступила вследствие длительного пребывания в воде — от пяти до восьми дней.

Известный нам немецкий резидент в Уэльве очень скоро узнал о теле все, включая имена тех, кому были адресованы письма, находившиеся в портфеле. Он попытался достать копии документов, однако безуспешно, так как с юристом ни он, ни его сообщники контакта не имели...

Мы не сомневались в успехе, но тем не менее ждали окончательной проверки. А для этого нужны были документы майора Мартина. Наконец, документы прибыли в Лондон и были немедленно переданы на экспертизу. Перед отправкой тела в Испанию мы приняли некоторые меры предосторожности, они-то и помогли нам теперь определить, вскрывались конверты или нет. Результаты экспертизы неопровержимо доказали, что письма, по крайней мере два из трех, вынимались из конвертов, хотя сургучные печати выглядели нетронутыми.

Когда мы прибавили этот факт к сообщениям, полученным из Уэльвы и от военно-морского атташе, мы были вполне удовлетворены. Итак, испанцы познакомились с содержанием писем. Мы могли быть твердо уверены, что они передали полученные сведения немецкой разведке. Оставалось положиться на немцев, а они, безусловно, сумеют извлечь все выгоды из сложившейся ситуации. Мы надеялись, что наша вера в немецкую разведку, действующую в Испании, не будет подорвана. Теперь свою роль должен был сыграть Берлин.

Настало время проститься с майором Мартином. Он хорошо послужил родине, и мы считали своей обязанностью проследить за тем, чтобы его последнее пристанище было достойным и чтобы ему оказали должные почести. Мы были рады проявить уважение к нему, не подвергая опасности операцию, в которой он сыграл столь важную роль. Больше того, исполняя то, что от нас требовала совесть, мы мешали немцам проверить заключение испанского врача. Частые посещения могилы британскими официальными лицами или их представителями до того, как была установлена надгробная плита, разумеется, не позволяли немцам или испанцам произвести эксгумацию тела.

Прежде всего мы попросили военно-морского атташе положить на могилу венки от Пэм и от семьи майора. Затем мы позаботились, чтобы надгробную плиту установили как можно быстрее. Наконец, я послал нашему военно-морскому атташе в Мадриде просьбу поблагодарить вице-консула в Уэльве от имени семьи майора Мартина за все то внимание, которое он уделил погибшему, и попросить его сфотографировать могилу. Эти фотографии будут свято храниться семьей и невестой майора Мартина, с которой он совсем недавно обручился. Надгробную плиту сделали из простого белого мрамора, и на ней была высечена следующая надпись: «Уильям Мартин. Родился 29 марта 1907 года. Умер 24 апреля 1943 года. Любимый сын Джона Глиндера Мартина и покойной Антонии Мартин из Кардиффа, Уэльс. «*Dulce et decorum est pro patria mori. R. I. P.*»{11}.

Большого сделать мы не могли, хотя чувствовали себя в долгу перед ним и понимали, что скоро многие тысячи его соотечественников и наших американских союзников, высадившись на берегах Сицилии, будут обязаны ему жизнью. Моя уверенность в этом разделялась к тому времени и начальством. Я сообщил лейтенанту Джуэллу о полном успехе операции. Поскольку нельзя было послать такое сообщение по радио, я написал на обычной почтовой

открытке «Спешу обрадовать Вас, что майору теперь хорошо». Комитет начальников штабов, посылая сообщение премьер-министру (он в это время находился в Вашингтоне), придумал лучше: «Начинка проглочена целиком».

11. Наводим порядок в Англии

Мы ждали развития событий. И вот тогда-то мы вспомнили, что «Тайме» доставляется в Лиссабон самолетом и что немцы, вероятно, будут следить за списками убитых и раненых, время от времени публикуемыми в газете. Поэтому я проверил, сколько времени обычно проходит между гибелью военнослужащего и сообщением о ней. Оказалось, не больше пяти недель. Значит, если Мартин умер 24 апреля, его фамилия в списке погибших должна появиться в первую неделю июня. Как же поступить? Стоит ли публиковать фамилию майора на страницах «Тайме», не рискованно ли это? Вторжение в Сицилию планировалось на вторую неделю, июля; вряд ли немцы считают, что это сообщение должно появиться до начала наших операций. С другой стороны, высадка в Сицилии по каким-либо причинам может задержаться... После — некоторых колебаний мы все же решили включить майора Мартина в список погибших. В конце концов, потом нам не придется жалеть, что мы не сделали всего, что могли.

В дальнейшем, правда, мы пожалели об этой маленькой, детали, которую прибавили, к. своему творению. Она причинила нам много беспокойства, но, к счастью, не нанесла вреда делу. Организовать публикацию имени майора Мартина в газете оказалось несложно, нам по-прежнему феноменально везло. Соответствующий отдел Адмиралтейства охотно удовлетворил просьбу начальника военно-морской разведки о включении имени майора морской пехоты Уильяма Мартина в список убитых. Не помню уже, как я объяснил эту странную просьбу. Сообщение появилось в «Тайме», в пятницу, 4 июня 1943 года. Мы, вероятно, никогда не узнаем, заметили ли немцы его, а если заметили, то в том же списке они должны были обратить внимание на фамилии контр-адмирала П. Дж. Мака и капитана 1 ранга Т. Л. Бивора. Незадолго до этого газеты сообщали, что Мак и Бивор явились жертвами авиационной катастрофы над морем. Предположение, что майор Мартин погиб вместе с ними, напрашивалось само собой. А ведь он попал в один список с контр-адмиралом и капитаном 1 ранга совершенно случайно! Мне хочется думать, что немцы читали «Тайме» от 4 июня 1943 года и заметили список погибших. Жаль, если это удачное совпадение осталось незамеченным...

И вдруг начались неприятности. Списки убитых и раненых изучались ведомствами, о существовании которых я не подозревал или просто забыл. Я понял, что ждало меня, если бы радиogramмы между нами и атташе в Мадриде шли по обычным, каналам! Отдел заведений Адмиралтейства хотел знать, оставил ли майор Мартин заведение, а если оставил, то где оно? Медицинское управление ВМС желало уточнить, убит ли майор Мартин в бою, умер ли от

ран, погиб ли, находясь в тылу, и вообще каковы обстоятельства его смерти, — это требовалось для статистических отчетов...

К счастью, я успел принять меры к тому, чтобы все запросы относительно майора Мартина направлялись непосредственно мне. Я вовремя предотвратил слишком широкое распространение их. Но мне пришлось иметь дело с теми ведомствами, которые направляли эти запросы, и я долго ломал себе голову, придумывая ответы.

Теперь я по достоинству оценил изречение о том, что человек, решившийся на обман, не представляет себе, какую запутанную сеть он сплетет. Однако я вошел в роль. Начальникам обоих ведомств я сказал, что регистрировать смерть майора Мартина нельзя: он был специальным агентом, выполнявшим важную миссию, и с разрешения первого морского лорда ему, в целях маскировки, присвоили звание майора морской пехоты. В конце концов, мой ответ до некоторой степени соответствовал действительности. Я только «забыл» упомянуть, что он умер до того, как приступил к выполнению «важной миссии» и получил звание майора.

С разрешения начальника разведывательного управления военно-морского штаба я убедил начальника отдела завещаний и начальника медицинского управления ВМС в необходимости строжайшего соблюдения тайны, и они взяли на себя разрешение этой проблемы в своих ведомствах. Так была ликвидирована самая большая опасность «утечки», с которой мы столкнулись. Добавлю, что несколько лет спустя, когда я уже демобилизовался, меня однажды вызвали в разведывательное управление ВМС. Они снова получили откуда-то запрос относительно майора Мартина и хотели знать, как я поступал с подобными запросами в прошлом.

На этом закончилось наше участие в «операции Минсмит». Мы сыграли свою роль, лейтенант Джуэлл и майор Мартин — свою. А что делали немцы?

12. Немецкая разведка играет свою роль

В течение второй половины мая, июня и первой половины июля 1943 года мы не получали никаких сведений, которые подкрепили бы нашу уверенность в успехе «операции Минсмит». Мы надеялись на прочность немецко-испанских связей и доверчивость немцев. Немцы получили документы настолько ясные и убедительные, что они, несомненно, поспешат поздравить себя с величайшим триумфом своей разведки.

Мы представляли себе, как офицеры немецкой разведки удовлетворенно потирают руки, как они радуются, что организация, созданная ими в Испании, а также система тесного контакта с ответственными испанскими официальными лицами (чем Канарис{12} особенно гордился) наконец доказала свою ценность. Теперь немецкая разведка могла загладить вину, которую она чувствовала за

собой в связи с высадкой союзников в Северной Африке (тогда немцы, насколько мы могли судить, были застигнуты врасплох).

Иметь возможность представить своему штабу копию письма от заместителя начальника имперского генерального штаба командующему группой армий (и какого письма!) — для разведчика это удивительный сон, осуществление всех его надежд, юношеских мечтаний. Располагая такой информацией, генеральный штаб мог предотвратить катастрофу или нанести противнику сокрушительный удар в самый критический момент.

Именно поэтому я решительно противился стремлению некоторых ответственных лиц использовать наш план для передачи мелкой дезинформации, какая могла содержаться в переписке младших офицеров. Если бы письма майора Мартина были такого уровня, немцы вряд ли стали бы снимать с них копии, а сняв, могли не принять их в расчет при разработке стратегических решений. Но то, что сэр Арчибальд Най написал генералу Александеру, должно быть правдой. Заместитель начальника имперского генерального штаба должен знать планы союзников. Он не может быть жертвой операции по дезинформации противника. А раз немецкая разведка попалась на удочку и приняла письмо за подлинное, то немцы должны начать действовать — никакой генеральный штаб, получивший такую информацию от своей разведки (которая к тому же может удостоверить ее подлинность), не откажется принять ее во внимание при разработке стратегических замыслов.

Итак, мы ждали.

Наступил день начала «операции Хаски», высадка прошла успешно. Остров Сицилия представляет собою, грубо говоря, треугольник, стоящий на своей вершине. Союзники высадились ранним утром 10 июля по обе стороны вершины и быстро продвинулись по сторонам треугольника и к центру. Внезапности удара способствовало немало факторов, например плохая погода и период новолуния, но это не поколебало уверенности нашей группы в том, что «операция Минсмит» удалась и что мы внесли свой вклад в успех высадки. По мере того как из Сицилии поступали разведывательные донесения и другие документы, наша точка зрения подтверждалась. Почти не было сомнений, что немцы отказались от усиления обороны Сицилии с юга (где мы фактически высадились) и занялись организацией обороны на западной вершине треугольника и на северной его стороне. А это имело смысл, если бы мы намеревались нанести по Сицилии отвлекающий удар во время высадки десанта на Сардинию или атаковали Сицилию после взятия Сардинии. Но дело не только в том, что в период, предшествовавший высадке, немцы создавали оборонительные укрепления главным образом на севере Сицилии. Гораздо менее сильной, чем можно было ожидать, оказалась вся система обороны на острове и особенно неэффективной — оборона в южной и восточной частях его. Точка зрения официальных лиц относительно «операции Минсмит» была сформулирована в докладе адмирала Каннингхэма: «Чрезвычайно эффективная

отвлекающая операция и правильный выбор маршрутов подхода сыграли свою роль». Нам удалось достичь внезапности удара. Насколько мы были обязаны своим успехом «операции Минсмит», удалось узнать через несколько месяцев после окончания войны. Вот как это произошло. В ожидании демобилизации я составлял отчет о работе, проделанной мною за время войны. Это требовалось сделать для тех, кто, наверное, никогда не выберет время познакомиться с моими записями или решит, что их не стоит читать. Однажды утром, когда я, как обычно, сидел в своем душном кабинете в Адмиралтействе, раздался телефонный звонок. Говорил заместитель начальника разведывательного управления военно-морского штаба и при этом так хохотал, что я не мог разобрать его слов. С трудом я уловил, что он вызывает меня к себе. Когда я явился к нему, он, все еще трясаясь от смеха, протянул мне пачку документов. Я сразу узнал их, хотя слова, которые бросились мне в глаза, были написаны по-немецки: «Lieber Grossadmiralgal»{13}. То были письма, которые мы использовали в «операции Минсмит», вернее, их немецкие переводы! Они закончили, наконец, свой длинный путь...

Заместитель начальника разведывательного управления объяснил мне причину своего смеха. Дело в том, что одному офицеру поручили разобрать и перевести на английский язык архивы немецкого военно-морского штаба, захваченные в Тамбахе, в Германии. В то утро офицер-переводчик пришел к нему чрезвычайно взволнованный. Вот что этот офицер сообщил.

Он обнаружил два документа. Один из них — копия чрезвычайно секретного письма заместителя начальника имперского генерального штаба генералу Александру. И, как сказал офицер, ему кажется, что это письмо — грубейшее нарушение норм безопасности. Согласно действующим правилам он должен передать копии соответствующим офицерам в военном министерстве, но предвидя неприятности, которыми чревато это дело, подумал, не захочет ли начальник разведывательного управления ВМС заняться ими сам...

Начались поиски других документов, имеющих отношение к нашей операции. Вскоре мы нашли данные, указывающие на нашу полную победу над немецкой разведкой.

Как мы и ожидали, немцы сразу поняли чрезвычайную важность наших документов для своего главного штаба и не теряли времени. Примерно в начале первой недели мая их агент в Мадриде сообщил в Берлин содержание документов и обстоятельства, при которых они были обнаружены. (В одном, более позднем документе мы нашли ссылку на тот факт, что соображения немецкой разведки по поводу планов союзников были переданы немецкому командованию 9 мая, то есть до получения Берлином фотокопий писем).

Немецкая разведка в Берлине, получив эти сведения, реагировала так, как мы и ожидали: она потребовала у Мадрида данные, подтверждающие подлинность документов. За первым сообщением из Мадрида последовало второе, в котором указывалось, что тщательное расследование будет произведено. Но время не

терпело. Берлин, очевидно, оценил важность информации и решил, что подробности, уже полученные из Мадрида, достаточно убедительны. И немцы начали действовать.

Передо мной первый важный документ — заключение немецкой разведки, приложенное к переводу на немецкий язык письма сэра Арчибальда Ная генералу Александру. Оно датировано 14 мая 1943 года, на нем стоит штамп: «Передавать только лично. Не через регистратуру», то есть документы отнесены к разряду совершенно секретных. Письмо и заключение передали в штаб военно-морских сил, и 15 мая начальник штаба поставил на письме свои инициалы и отметил синим карандашом, что командующий ВМС адмирал Дениц должен ознакомиться с ним лично. Последний сделал это, пометив документы зеленым карандашом и удостоверив своими личными каракулями, что прочел их. Кроме Деница и начальника его штаба, документы прочитали еще два офицера. Заключение разведки гласит:

Содержание : Захваченный документ противника об операциях на Средиземном море.

Прилагаются.

а) Перевод захваченного письма из имперского генерального штаба генералу Александру

б) Заключение (немецкого) генерального штаба. Остальные разведывательные документы не имеют значения. Тщательное изучение письма, произведенное 3 отделом штаба руководства войной на море, показало:

1. Подлинность захваченных документов — вне подозрений. Предположение, что они специально подброшены нам (это маловероятно), и вопрос о том, знает ли противник, что документы находятся у нас, а не пропали в море, расследуются. Возможно, противник не знает где документы. Против этого одно обстоятельство — противнику, безусловно, известно, что они не достигли места назначения.

2. Следует принять во внимание, что противник теперь может изменить планы намеченных операций или начать их раньше, хотя это маловероятно

3. *Предполагаемая дата операции* : Вопрос рассматривается как срочный, однако 23 апреля еще есть время сообщить генералу Александру через курьера (посланного самолетом) о предложении Генри Вильсона использовать Сицилию в качестве отвлекающего объекта при наступлении в восточной части Средиземного моря, Александра просят без промедления сообщить, поддерживает ли он точку зрения Вильсона, «так как мы не можем дальше откладывать это дело». В этой связи имперский генеральный штаб не исключает возможности изменения имеющихся планов операций как в восточной, так и в

западной части Средиземного моря; времени для этого, видимо, еще достаточно.

4. *Последовательность операций.* Следует считать, что обе операции будут проводиться одновременно, поскольку в письме говорится что Сицилия — неподходящий отвлекающий объект для обеих операций.

5. Есть основания полагать, что удар в восточной части Средиземного моря будет наноситься из района Тобрука. Александрия вообще не принимается во внимание, так как в этом случае Сицилия никак не может играть роль отвлекающего объекта

6 Неясно, ограничатся ли действия против отвлекающего объекта периодом начала операций или они будут продолжаться наряду с фактическими операциями.

7. Из прилагаемого неясно, высадятся ли в восточной части Средиземного моря (на мысе Киллини и в Каламе) только 5 я и 56 я дивизии. Однако только эти две дивизии будут усилены для проведения предстоящих наступательных действий. Вполне возможно, что в наступлении примут участие лишь две дивизии.

8. Следует подчеркнуть, что, как явствует из документа, в восточной части Средиземного моря ведутся большие подготовительные мероприятия. Это весьма важно, ибо вследствие географического положения того района, где находятся наши силы, мы имеем значительно меньше разведывательных данных о деятельности противника в этом районе, чем, скажем, в Алжире.

Когда читаешь этот документ, прежде всего поражаешься тому, что немецкие разведчики сразу же связали себя категорическим утверждением: «Подлинность захваченных документов — вне подозрений». Правда, они предосторожности ради оговариваются, что возможность подлога и степень нашей осведомленности о судьбе документов исследуются, но здесь же отмечают, что первое «маловероятно». По их мнению, мы вряд ли изменим наши планы или начнем наступление раньше намеченного срока. Впрочем, с этой точкой зрения согласится, пожалуй, всякий, кто знаком с работой по планированию и подготовке операций крупного масштаба.

Другим моментом, иллюстрирующим важность умения смотреть на подготавливаемую тобой операцию глазами противника и исходить из его знания обстановки, является пункт 5.

По утверждению немцев, Сицилия не может служить отвлекающим объектом, поскольку войска, дислоцирующиеся в Александрии, находятся слишком далеко от острова. Если бы наш штаб читал этот обстоятельный документ, его реакция была бы иной. Мы — то знали, что это расстояние вполне преодолимо и войска, находящиеся в Александрии, могут быть использованы для нанесения удара по Сицилии (как это и произошло в действительности).

Нет нужды подробно рассматривать остальные пункты заключения немецкой разведки, так как в следующей главе я расскажу об анализе документов майора Мартина немецким штабом. Этот анализ обнаруживает тщательность, с которой изучались каждое слово и каждый намек в письме сэра Арчибалда Ная.

Передо мной второй доклад немецкой разведки, датированный 15 мая 1943 года.

Содержание. Об официальной английской почте, прибитой к берегу в районе Уэльвы.

В беседе, состоявшейся 10 мая 1943 года с имеющим к этому отношение испанским штабным офицером, с которым мы поддерживаем контакт в течение многих лет, удалось выяснить следующее:

1. В руках трупа был обычный портфель. Его содержимое:

(а) Чистый лист обычной белой бумаги, в который были завернуты письма, адресованные генералу Александру и адмиралу Каннингхэму. Каждое письмо в отдельном конверте с обычной формой адреса и предназначено лично адресату. На сургуче оттиск личной печати отправителя, печати находились в отличном состоянии. Письма, которые я держал в собственных руках, также были в хорошем состоянии. Чтобы снять с них копии, испанцы высушили их, а затем поместили на 24 часа в соленую воду.

(б) Гранки брошюры относительно морских десантных операций и фотографии, о которых упоминается в письме Маутбэттена от 22 апреля. Гранки в отличном состоянии, фотографии совершенно испорчены.

2. У курьера в нагрудном кармане имелся бумажник с личными бумагами, включая его военные документы с фотографиями (по этим бумагам он — тот самый майор Мартин, о котором упоминается в письме Маутбэттена от 22 апреля), письмо майору Мартину от его невесты, письмо от отца, пригласительный билет в лондонский ночной клуб, датированный 27 апреля.

Следовательно, майор Мартин оставил Лондон утром 28 апреля, в тот самый день, когда самолет разбился недалеко от Уэльвы.

3. Английский консул полностью информирован о случившемся. Как и следовало ожидать, он просил передать ему документы. Эту просьбу отклонили под тем предлогом, что все предметы, найденные вместе с телом, включая бумаги должны быть представлены местному испанскому магистрату.

После снятия в испанском генеральном штабе копий со всех бумаг им придали первоначальный вид. Создается впечатление, что конверты не вскрывали, в этом я убедился сам. Они будут возвращены англичанам сегодня через испанское министерство иностранных дел.

С точки зрения нашей маленькой группы, это чрезвычайно любопытный документ. Он полностью оправдал все хлопоты по созданию личности Мартина — «подлинность» майора подтвердила «подлинность» документов, которые находились при нем. Вместе с тем выяснилось, что по воле случая одним деталям немцы придали важное значение, а другие оставили без внимания. Зато правильность основной предпосылки операции подтвердилась полностью: в испанском штабе немцы действительно имели свободный доступ ко всему, что их интересует.

Из этого документа, между прочим, следует, что (как я уже говорил) мы зря беспокоились, не вызовет ли подозрений то обстоятельство, что портфель был прикреплен к поясу майора Мартина цепочкой. Немцам сообщили, что портфель был зажат в руке трупа. Таким образом, нам помогло не только сотрудничество испанцев с немцами, но и близорукость испанцев.

Я не понял упоминания в пункте 1 (а) о «чистом листе обычной белой бумаги», в которую были завернуты письма. Либо это сделал какой-нибудь испанец, чтобы предохранить конверты от загрязнения, либо это лист из гранок брошюры о деятельности «коммандос». Во всяком случае, мы не обертывали письма бумагой. Кроме того, печати на сургуче были официальными печатями с королевским гербом.

Как мы с удовлетворением отметили, личные письма, лежавшие в бумажнике, без внимания не остались. Значит, наш тонкий ход с письмами «невесты» и «отца» не пропал впустую. Письмо лорда Маунтбэттена адмиралу Каннингхэму, как видно из донесения, сыграло предназначенную ему роль: оно помогло установить личность майора Мартина.

Но это донесение свидетельствует также об одном из самых больших затруднений, с которыми приходится сталкиваться разведчикам при проведении операций по дезинформации. Те, кто их проводит, должны снабдить противника такими материалами, которые заставят его сделать нужные для них выводы. По этой причине необходимо принимать в расчет как способности, так и ум того, кто будет анализировать материал. Я считаю, что наши выводы относительно ума немцев оказались правильными, но мы, пожалуй, переоценили их способности.

Немецкие разведчики по небрежности совершили две чрезвычайно грубые ошибки — обе в отношении дат. Они проявили удивительную беспечность и не позаботились о том, чтобы правильно списать даты. Письмо было датировано 21 апреля, а немцы, либо когда они снимали копию письма, либо когда переводили его на немецкий язык, заменили 21 апреля на 22-е.

В данном случае это не имело значения. Вторая ошибка куда хуже. В отчете есть упоминание о «пригласительном билете в лондонский ночной клуб, датированном 27 апреля». Мы пришли к выводу, что это результат небрежного изучения театральных билетов. Вторая двойка (22 апреля) была, вероятно,

размыта. Приглашение в «Кабаре-клуб» вообще не имело даты, и немцы вряд ли имели в виду счет за пребывание в Военно-морском клубе, датированный 24 апреля, так — как он совсем не похож на билет в клуб, и даже испанцы наверняка не ошиблись бы в этом. Поэтому мы пришли к выводу: ошибка произошла вследствие того, что немцы спутали билеты в театр и приглашение в «Кабаре-клуб». Ошибки в датах могли привести к серьезным для нас осложнениям.

Из донесения следует, как мы и хотели внушить немцам, что майор Мартин вылетел из Англии на следующий день после прощального вечера, но из-за ошибки в дате это произошло, по мнению немцев, «утром 28 апреля, в тот самый день, когда самолет разбился неподалеку от Уэльвы».

Если бы немцы изучили заключение испанского врача в той его части, где говорится о дне смерти (о заключении врача следовало бы знать по крайней мере их агенту в Уэльве), и связали бы его с датой отлета, они могли бы заподозрить неладное. Испанский врач не без оснований предположил, что авария самолета произошла минимум за пять дней до обнаружения тела. Значит, катастрофа, в результате которой погиб майор Мартин, должна была произойти примерно 25 апреля.

Я плохой философ и не могу сказать, что могло бы последовать за этим выводом. Возможно, найдутся люди, которые скажут, что нам просто-напросто повезло, и если бы кто-нибудь обратил внимание на это несоответствие, наша операция провалилась бы. Надеюсь, меня не обвинят в чрезмерном самомнении, если я не соглашусь с этим утверждением. Мы снабдили испанцев и немцев всеми необходимыми данными, на основе которых они могли сделать нужные нам выводы. Было бы абсурдом говорить, что мы имели право рассчитывать на сравнительно компетентное и умное «сотрудничество» противной стороны, но мы вправе утверждать, что предоставили немцам все нужные данные, а немцы сделали из них правильные выводы, не обратив при этом внимания на ими же допущенные ошибки.

Так или иначе, немцы поверили, что майор Мартин направлялся в Африку на самолете и что катастрофа произошла в такой день, который не противоречит ни предполагаемой дате вылета майора, ни состоянию, в котором его обнаружили.

Следующий пункт отчета также заинтересовал нас. Он подтвердил наше мнение об эффективности немецко-испанского сотрудничества в Уэльве.

Вмешательство военного юриста, из-за чего немцы не сразу смогли получить документы, несомненно, простая случайность. Просьбу британского вице-консула о выдаче ему документов «отклонили»... Не напрасно мы рассчитывали на испанцев!

Наконец, подтвердился и тот факт, что конверты с письмами были возвращены нам лишь после того, как немецкий агент сам просмотрел их. То

обстоятельство, что конверты имели такой вид, будто их «не вскрывали», меня не удивляет. Такое же впечатление создалось бы и у меня, если бы мы не приняли определенных мер.

Итак, мы выиграли: немецкая разведка «проглотила начинку целиком» и приняла документы за подлинные. Однако, как я уже говорил, наша победа была бы бесплодной, если бы немецкий главный штаб не согласился с выводами разведки и продолжал готовиться к отражению высадки на Сицилию. Но этого не случилось — штаб тоже «проглотил начинку» и действовал соответственно.

13. Немецкое верховное командование действует

Сведения, почерпнутые из немецких военно — морских архивов, которые мы захватили в Тамбахе, обнаруживают также реакцию на «операцию Минсмит» со стороны немецкого верховного командования. Результаты операции превзошли наши самые смелые ожидания.

Догадки относительно мнения немцев о планах союзников после падения Туниса оказались правильными, больше того, мы недооценивали трудности, с которыми нам пришлось бы столкнуться. В архиве мы обнаружили копию принятого в феврале 1943 года обращения гитлеровского верховного командования к немецким войскам в Тунисе. В нем говорится, что следующую операцию союзники проведут в Средиземном море и что она будет направлена против одного из крупных островов. В порядке вероятности они поставили Сицилию на первое место, Крит — на второе, а Сардинию и Корсику — на третье. Таким образом, мы совершенно правильно предполагали, что с самого начала немцы ждали нападения на Сицилию. И по мере расширения наших подготовительных мероприятий в западной части Средиземного моря опасения немцев находили бы все большее подтверждение. Мы, естественно, не могли готовиться к захвату Крита, раз непокоренная Сицилия стояла на пути к нему. Мы не ошиблись, полагая, что немецкое командование будет рассуждать именно таким образом. Мало того, в обращении говорилось:

«...Из сообщений о намечаемых англо — американцами десантных операциях ясно, что противник намерен прибегнуть к обману в самых широких масштабах». Немцы и здесь были правы. И если бы Комитет начальников штабов знал, что противник предвидит обман, я сомневаюсь, что мы получили бы разрешение на «операцию Минсмит».

Как видно из захваченных документов, немцы придерживались таких взглядов на стратегию союзников вплоть до 9 мая 1943 года, когда их точка зрения полностью изменилась: сообщение о документах майора Мартина дошло до верховного командования.

В этот день немецкая разведка, по-видимому, представила командованию донесение, в котором анализировались сведения, содержащиеся в захваченных письмах. Подтверждением тому служит документ, имеющий следующий

регистрационный номер после документа от 15 мая, который приводился в предыдущей главе. Этот документ из немецкого архива гласит:

К моему № 2144/43 от 9.5.43. Изучение полученных материалов позволяет сделать следующие выводы:

1. Ожидается крупная высадка морского десанта в восточной и западной частях Средиземного моря.

(а) Объект операции в восточной части Средиземного моря, которая проводится под руководством Генри Вильсона, — побережье в районе Каламе и участок побережья к Югу от мыса Киллини (оба на западном побережье Пелопоннеса). Усиленная 56-я пехотная дивизия высаживается в Каламе, а усиленная 5-я пехотная дивизия — на мысе Киллини. Неизвестно, высадутся ли обе дивизии в полном составе или операция будет проведена частью этих сил. В первом случае противнику понадобится по меньшей мере две — три недели для отдыха и погрузки личного состава, так как на 9.5.43. две бригады 56 и дивизии ведут боевые действия под Энфидавилль. Судя по содержанию письма, противник намерен поступить именно таким образом. Это означает, что высадка может начаться лишь через определенный промежуток времени. Но если высадку предполагается осуществить отдельными подразделениями обеих дивизий, то ее могут начать в любое время, поскольку одна бригада 56-й и одна — две бригады 5 и дивизии, по-видимому, уже находятся в готовности в исходном районе (Египет — Ливия). Кодовое название высадки на Пелопоннесе — «Хаски». Англо-американский объединенный штаб предложил генералу Вильсону провести одновременно отвлекающую операцию на островах Додеканес. На 23.4.43. Вильсон еще не принял решения по данному вопросу.

(б) Объект операции, которую должен провести генерал Александер в западной части Средиземного моря, не упоминается. Шутливое замечание в письме указывает на Сардинию. Кодовое название этой операции «Бримстен» Предполагаемый отвлекающий объект «операции Бримстен» — Сицилия.

2. Полученные сведения необходимо держать в полнейшем секрете. К ознакомлению с ними может быть допущен лишь строго ограниченный круг лиц

Этот документ доставил мне особенно большое удовольствие. Я поздравил себя с тем, что немецкий агент в Мадриде потрудился послать в Берлин копию письма лорда Маунтбэттена адмиралу Каннингхэму, хотя оно казалось незначительным, а с письмом генералу Эйзенхауэру он этого не сделал. Почему он так поступил? Вполне возможно, из-за намек лорда Маунтбэттена относительно провала в Дьеппе. Этот документ показал мне также, что шутка насчет сардин достигла цели: «Шутливое замечание в письме указывает на Сардинию». Мы намекнули на Сардинию в другом письме, но в документе об этом ничего не сказано. Пустяки, в докладе такого рода можно простить подобную неточность. Немецкое чувство юмора — большое благо.

Итак, немецкая разведка не раскусила наш обман. Теперь ее точку зрения приняло верховное командование. Возможно, благодарить за это надо Гитлера, так как из записей адмирала Деница о его беседах с фюрером мы знаем, что Гитлер был убежден в подлинности документов майора Мартина. После катастрофы в Северной Африке Деница послали в Италию, чтобы он морально поддержал Муссолини. Когда Дениц вернулся из Италии, Гитлер принял его. (Писем Мартина Дениц еще не видел.) Дениц сообщил Гитлеру, что, по мнению Муссолини, союзники нанесут удар по Сицилии. Вот запись из дневника Деница: «Фюрер не согласен с дуче в том, что наиболее вероятным объектом вторжения является Сицилия. Более того, по мнению фюрера, обнаруженные английские документы подтверждают предположение о намерении противника нанести удар по Сардинии и Пелопоннесу».

Итак, Гитлер считал, что мы собираемся высадиться в Греции. Придя к этому заключению, фюрер продолжал твердо его придерживаться, причем настолько твердо, что 23 июля, почти через две недели после высадки союзников в Сицилии, он *все еще* верил в это и назначил своего любимца генерала Роммеля командующим силами, которые были сосредоточены в Греции. 25 июля Роммель вылетел в Грецию, вскоре его оттуда спешно отозвали и назначили командующим войсками в Италии. Но несправедливо обвинять одного Гитлера.

В тот самый день, 14 мая, когда Гитлер высказал несогласие с мнением дуче, в официальном дневнике Деница было зарегистрировано, что генеральный штаб сухопутных сил пришел к окончательному выводу, что документы майора Мартина подлинные и высадка союзников состоится в Сардинии при одновременном отвлекающем ударе по Сицилии. Значит, к 14 мая 1943 года штаб и сам фюрер окончательно убедились в правильности подсказанного им вывода. «Операция Минсмит» удалась полностью. Теперь мне оставалось выяснить, какую практическую пользу это принесло англо-американским силам.

Я не знаю, что конкретно предприняло командование немецких сухопутных и военно-воздушных сил, но о том, что это было нечто значительное, можно судить по приказу, согласно которому 1-я немецкая танковая дивизия двинулась из Франции через всю Европу в Триполис — город на полуострове Пелопоннес, чрезвычайно выгодно расположенный для организации отпора высадке в Каламе и на мыс Киллини. Когда представишь себе колоссальные затраты, связанные с такой переброской целой танковой дивизии (к тому же дивизия в период переброски не могла участвовать в боевых действиях), приходишь к выводу, что уже одно это обстоятельство с лихвой компенсировало усилия, вложенные нами в «операцию Минсмит».

Из немецких архивов мы узнали также, что гитлеровское министерство иностранных дел получило указание предупредить турецкое правительство о переброске немецких войск и кораблей в Грецию. Мы перестали удивляться этому мероприятию, когда узнали, в каких широких масштабах велась подготовка к отражению высадки десанта в Греции. Я уже указывал, что не

имею сведений о мероприятиях, предпринятых командованием сухопутных войск и авиации, но, судя по действиям немецкого военно-морского флота, относительно которых мы обнаружили в архиве более подробные данные, армия и военно-воздушные силы провели значительную подготовку.

22 мая командующий военно-морскими силами приказал {14} поставить три новых минных заграждения у греческого побережья, из них одно — у побережья в районе Каламе. Немецкий адмирал, командующий зоной Эгейского моря, получил приказ взять под контроль минные заграждения, которые создавались итальянцами у западных берегов Греции, а на территории, находящейся под итальянским контролем, были установлены немецкие береговые батареи. Таков далеко не полный перечень мероприятий, срочно предпринятых немцами, которые были уверены в том, что все побережье Греции и греческие острова находятся под угрозой вторжения.

Кроме того, немцы развернули базы торпедных катеров, наблюдательные посты, усилили патрулирование подходов к Греции с моря и приняли другие меры предосторожности — короче говоря, они делали все, что было в их силах.

Дивиденды от «операции Минсмит» росли, а то, что их приносила именно наша операция, мы установили по документам, из которых явствовало, что все перечисленные выше приказы немецкого командования основывались на письмах майора Мартина (деталь, о которой из соображений безопасности умалчивалось в боевых приказах).

В начале июня немцы перебросили большую группу торпедных катеров с Сицилии в Эгейское море! Наши дивиденды действительно быстро возрастали.

Между тем и в западной части Средиземного моря события развивались самым благоприятным для нас образом. В подтверждение я могу сослаться на приказ начальника главного штаба германских вооруженных сил фельдмаршала Кейтеля, изданный 14 июня от имени Гитлера. Приказ {15} основан на уверенности немцев в том, что мы используем Сицилию в качестве отвлекающего объекта при нанесении удара по Сардинии и, следовательно, она также подвергнется нападению. (Точно так же они считали Додеканезы отвлекающим объектом операции в восточной части Средиземного моря; см. Приложение I и донесение немецкой разведки от 15 мая.) То, что этот факт принимался во внимание немецким главным штабом, видно также из размещения немецких оборонительных средств на Сицилии; я уже указывал на это.

Мы обнаружили также документы, из которых следовало, что по специальному приказу, изданному от имени Гитлера, в июне на Корсику было отправлено мощное танковое соединение. С этого времени немцы начали делать особый упор на укрепление Сардинии и Корсики, а следующим по очереди считался северный берег Сицилии.

9 июля, за день до того, как мы высадились в Сицилии, Кейтель издал пространный документ, подготовленный, по его словам, Деницем. В нем оценивалось не только положение в восточной и западной частях Средиземного моря, но и давалась характеристика будущей стратегии союзников, основанной на операциях в обоих этих районах. В документе указывается, что удар по всем трем островам — Корсике, Сардинии, Сицилии (либо одновременно, либо по очереди), как и высадка в Греции, вполне возможен. По мнению Деница, союзники располагают в Северной Африке достаточными силами для проведения обеих операций, а также для развития успеха после захвата плацдарма в Греции. Он считает высадку десанта крупными силами на побережье Италии (даже после захвата итальянских островов) маловероятной по той причине, что здесь могут быть быстро сосредоточены силы для отражения удара, в то время как в Греции не имеется возможности быстро подтянуть подкрепления и необходимые материальные средства. Дениц учитывает и то, что высадка в Греции откроет союзникам путь к румынской нефти и будет иметь далеко идущие политические последствия не только для Румынии, но и для Венгрии. Наконец, Дениц, с согласия Кейтеля, приходит к заключению, что «ударные силы в западной части Средиземного моря готовы к атаке, которая может начаться в любое время» (как он был прав!), в то время как «силы в восточной части еще только формируются» (как он был не прав: они приняли участие во вторжении на Сицилию!).

Ранним утром 10 июля наши войска высадились в Сицилии. Но немцы не могли поверить, что это подлинная атака (и что, следовательно, документы майора Мартина подложные). Германское верховное командование приказало создать специальный пост на берегах Гибралтарского пролива для наблюдения за конвоями, которые будут, по его предположению, следовать к Корсике и Сардинии. Немцы все еще думали, что высадка в Сицилии (хотя и не с той стороны острова, где они ожидали) — диверсия, предпринятая с целью отвлечь внимание от направления главного удара.

Однако к 12 июля уверенность немцев в подлинности документов майора Марчина начала слабеть; вторжение в Сицилию продолжалось уже два дня и совсем не походило на отвлекающую операцию.

Мы нашли переписку между главнокомандующим германскими военно-морскими силами в Италии и штабом ВМС. Главнокомандующий горько сетовал, что отправка отряда торпедных катеров в Эгейское море ослабила оборону Сицилии. В Сицилии испытывался «хронический» недостаток в малых кораблях, и отправка целого отряда катеров серьезно ослабила оборонительные силы и ухудшила положение с охранением транспортов. В ответе штаба ВМС говорится, что, по данным разведки, союзники так заняты в Сицилии, что высадка в Греции маловероятна, пока сицилийская операция не будет завершена. Поэтому «на данное время» (неужели верховное командование и Гитлер *все еще* находились под влиянием «операции Минсмит»?) оборона Греции должна отойти на второй план. Из этих соображений дополнительная

отправка семи катеров из 11-й флотилии в Эгейское море была отменена. На этом влияние «операции Минсмит» на действия германского командования наконец закончилось, если не считать тех немецких войск, которые попусту тратили время в Греции.

Результаты, достигнутые нами, можно суммировать следующим образом.

Мы обманули испанцев, сотрудничавших с немцами. Мы провели немецкую разведку как в Испании, так и в Берлине. Мы провели германское верховное командование. Мы обманули Кейтеля и, наконец, мы обманули самого Гитлера, который верил нам до конца июля.

Что касается восточной части Средиземного моря, то мы заставили немцев вложить колоссальные усилия в оборону Греции, включая постановку минных заграждений, развертывание береговых батарей и т. д. Мы вынудили их сосредоточить войска в Греции. В состав этих войск входила танковая дивизия, которую пришлось перебрасывать через всю Европу. Для немцев все эти мероприятия явились совершенно напрасной тратой сил и потенциально ослабили оборону Сицилии и Италии.

В западной части Средиземного моря мы добились усиления оборонительных сооружений и войск на Корсике и Сардинии за счет Сицилии. Наряду с этим оборонительные средства на Сицилии в значительной степени были отвлечены с тех участков побережья острова, где союзники фактически высадились. Мы заставили немцев отправить торпедные катера с Сицилии в Эгейское море и тем самым пробили брешь в их обороне.

Все это подтверждается документами того времени, и, на мой взгляд, я справедливо могу считать, что дивиденды от «операции Минсмит» оказались поистине колоссальными — значительно большими, чем мы могли надеяться при всем нашем оптимизме. А сколько жизней англичан и американцев спас «человек, которого не было», и какое влияние на ход войны оказали приключения майора Мартина, пусть определяют другие.

Заключительный аккорд

Вместо того чтобы закончить это повествование в несколько приподнятом тоне — словами благодарности человеку, который после смерти стал «майором Мартином из королевской морской пехоты», — мне хотелось бы добавить кое-какие детали, которые помогут правильно определить мою собственную роль в «операции Минсмит».

На основании данных об успехе «операции Минсмит» ставших известными нам уже в 1944 году, меня наградили орденом Британской империи III степени. Когда Его Величество прикреплял орден к моему мундиру, он спросил меня, где я его заслужил. Я ответил:

— В Адмиралтействе, Ваше Величество.

Его Величество поднял брови и спросил:

— А за что вы его получили?

Он застал меня врасплох, и я смог только ответить:

— За участие в подготовке «операции Хаски», Ваше Величество.

Этот ответ помог мне самому понять, что «операция Минсмит» со всем ее обаянием была всего лишь составной частью одной из операций второй мировой войны.

Приложения

Приложение 1

Копия директивы оперативного отдела штаба руководства войной на море от 20 мая 1943 г.

Совершенно секретно

Только для высших офицеров

Верховному командованию вооруженных сил / Оперативному управлению главного штаба вооруженных сил

Копии: Командованию группы военно-морских сил «Юг».

Главнокомандующему военно-воздушными силами.

Начальнику отдела 1а (морская авиация) оперативного отдела штаба ВВС капитану 1 ранга Мозелю.

Главному командованию сухопутных сил/офицеру связи ВМС при генеральном штабе сухопутных сил капитану Вейгольдту.

Штаб руководства войной на море тщательно изучил возможность высадки десанта противника на юго-востоке Европы и пришел к следующим выводам:

I. 1) Следует считать возможной высадку десанта противника не только в западной части Средиземного моря, но и в восточной, хотя в настоящее время достоверные сведения о подготовке большого количества судов для высадки десанта получены только из западной части Средиземного моря.

2) Вероятные районы высадки десантов:

(а) *Район АРТА-ПИРГОС* : заливы Артский и Патрский, побережье к югу от мыса Киллини, побережье к северу и югу от Пиргоса, а также острова в этой зоне, в особенности Корфу и Кефаллиния.

(б) Южное побережье полуострова Пелопоннес: Пилос, залив Мессиниакос (Каламатский) и залив Петалион.

(в) *КРИТ* : вероятнее — северное побережье, на южном побережье — залив Месарас и Иерапетра (незначительными силами).

(г) *РОДОС*.

(д) Острова в Эгейском море — Лерос, Милос, Хиос, Митилини и Лемнос.

(е) Восточное побережье полуострова ПЕЛОПОННЕС и центральная часть ГРЕЦИИ: залив Арголикос, залив Петалион.

(ж) *САЛОНИКИ* : залив Салоники, залив Орфану.

(з) *ФРАКИЯ* : залив Кавалла и побережье к востоку от острова Тасос.

3) Следует предположить, что противник вначале попытается высадить десант там, где, по его расчетам, он встретит наименьшее сопротивление и сможет добиться наибольших результатов в кратчайший срок. Вследствие этого в настоящий момент можно исключить возможность высадки десанта на КРИТ, в связи с успешным ходом работ по созданию укрепрайона на КРИТЕ союзникам пришлось бы нанести удары на вспомогательных направлениях для овладения аэродромами на Додеканезах и Пелопоннесе, что потребовало бы значительных усилий. Далее, с захватом КРИТА противник решил бы лишь часть поставленных перед собой задач. Бросок мимо КРИТА — в ЭГЕЙСКОЕ море — с целью овладеть наиболее важными островами и высадиться на восточном побережье ПЕЛОПОННЕСА и в центральных районах ГРЕЦИИ также представляется маловероятным. Не следует принимать в расчет и удар в районе САЛОНИКИ и ФРАКИИ. В случае проведения этих операций противнику потребовались бы значительные силы для защиты коммуникаций, неизбежны и крупные потери, поскольку немецкие воздушные и легкие военно-морские силы (торпедные катера) имеют возможность вести боевые действия с КРИТСКОЙ базы.

4) По мнению штаба руководства войной на море, противник, вероятнее всего, попытается высадиться на западное побережье Греции, где район КОРФУ — АРТА — ПИРГОС сулит наилучшие перспективы.

Вероятные направления ударов: с севера в направлении ЛАРИСА — ВОЛОС с целью отрезать центральную ГРЕЦИЮ от ПЕЛОПОННЕСА, в центре для дальнейшего наступления в Центральную ГРЕЦИЮ и АТТИКУ, на юге — удар по КОРИНФСКОМУ перешейку. Острова в этом районе (особенно КОРФУ и

КЕФАЛЛИНИЯ) могут стать для противника весьма ценными базами. На исключительное значение этих островов следует обратить особое внимание.

Одновременно вероятны высадки десантов на вспомогательных направлениях: в бухте НАВАРИН (удобный порт для военно-морских сил, которые будут прикрывать десанты и обеспечивать защиту коммуникаций), КАЛАМЕ (аэродром) и, возможно, в МАРАФОНСКОМ заливе. Вспомогательный удар — через ТРИПОЛИС по КОРИНФУ. Одновременно или несколько раньше следует ожидать отвлекающей операции против островов ДОДЕКАНЕС (РОДОС).

II. Наши силы обороны в угрожаемых районах невелики. Однако, по мнению штаба руководства войной на море, высадка десанта будет отражена, если противник нанесет удар ограниченными силами. По сведениям генерального штаба сухопутных войск, которые известны штабу руководства войной на море, в восточной части Средиземного моря противник располагает в настоящее время лишь несколькими дивизиями. Его транспортные средства могут обеспечить лишь эти силы.

Учитывая сказанное выше, необходимо принять все меры к тому, чтобы в кратчайший срок усилить оборону угрожаемых районов. Вопрос о создании второй линии обороны (ориентировочно в зоне Северная ГРЕЦИЯ — САЛОНИКИ) можно будет лишь рассматривать после этого.

III. Штаб руководства войной на море предпринял или намерен предпринять следующие срочные меры:

1. Постановка минных заграждений в районе КАЛАМЕ — в процессе завершения, в проливе Китирон — завершена, в проливе Антикитира — в процессе подготовки. Командующему военно-морскими силами на Юге добиться от итальянцев постановки минных заграждений у западного побережья ГРЕЦИИ.
2. Установка береговых батарей, в том числе в районах, занятых итальянскими войсками (мнение верховного главнокомандующего сухопутными войсками запрашивалось).
3. ПИРЕИ и САЛОНИКИ предполагается использовать в качестве главных пунктов базирования военно-морских сил, и они будут соответственно обеспечиваться предметами материально-технического снабжения. Снабжение островов МИЛОС, ЛЕРОС и ЛЕМНОС, как вспомогательных баз флота, будет ограниченным.
4. Изучается вопрос о развертывании на ПЕЛОПОННЕСЕ и КРИТЕ операционных баз подводных лодок.
5. Достигнута предварительная договоренность с главнокомандующим немецкими ВВС на Юго-Востоке относительно разведывательных и

наступательных операций ВВС в период, предшествующий высадке десанта противника (атаки с воздуха конвоев с десантными войсками в портах отплытия и минирование этих портов силами авиация)

6. Ведется подготовка к патрулированию кораблями береговой обороны вод к западу, югу и востоку от КРИТА.

7 Готовится командный пункт для командующего военно-морскими силами на Юге в САЛОНИКАХ с целью обеспечить непрерывность руководства, в случае если возникает необходимость передислоцировать штаб,

Приложение II.

Копия директивы начальника штаба при верховном командовании от 14 июня 1943 г.

Главному командованию ВМС

Штабу руководства войной на море

Генеральному штабу сухопутных войск

Генерал инспектору бронетанковых войск

Совершенно секретно

А. ФЮРЕР издал следующий приказ об усилении обороны САРДИНИИ и СИЦИЛИИ:

1) Генеральный штаб сухопутных войск должен осуществить нижеследующие мероприятия:

(а) Обеспечить каждый из островов инженерным пехотным полком численностью в 4 батальона с полковым штабом и штабной ротой. В случае необходимости могут быть использованы 3 маршевых батальона июньского призыва, направленные в ИТАЛИЮ. ФЮРЕР особенно подчеркнул необходимость обеспечения подразделений оружием, пригодным для отражения атак силами танков и пехоты. Для этой цели можно использовать даже французские 25– и 37-мм противотанковые орудия.

Части должны быть готовы выступить к 28.6.43. Если к этому времени не удастся получить противотанковые орудия, необходимые для СИЦИЛИИ, они должны быть направлены на остров не позднее 20.7.

(б) Направить на САРДИНИЮ дивизион крепостной артиллерии для усиления береговой обороны. Состав — 2 батарея 170-мм орудий, 1 батарея 100-мм орудий.

Подготовить к отправке в возможно более короткий срок.

(в) Обеспечить подразделения, выделенные для обороны САРДИНИИ, противотанковой артиллерией из расчета 1 батарея (12 противотанковых орудий) на каждый полк.

Каждая моторизованная пехотная рота СИЦИЛИЙСКИХ подразделений должна иметь 2 противотанковых орудия. Если нет возможности немедленно вооружить эти подразделения тяжелыми и средними противотанковыми орудиями, следует воспользоваться легкими противотанковыми орудиями. Однако противотанковые батареи необходимо как можно скорее вооружить тяжелыми и средними противотанковыми орудиями.

(г) Увеличить САРДИНСКУЮ танковую роту до бронетанкового батальона с количеством танков не менее 50 (из которых не менее 25 типа «Т-IV»), для чего придать ей необходимые пополнения и вооружение, подготовив их к отправке в кратчайший срок.

(д) Создать бронетанковую роту из 20 танков «Т-IV» для 215-го танкового батальона в СИЦИЛИИ. (Эта рота должна компенсировать переведенную в дивизию «Германа Геринга» роту «тигров»). Отправку подготовить к 15.7.43.

(е) Усилить роту связи на острове САРДИНИЯ несколькими отделениями радиосвязи.

2) Верховному командованию военно-морских сил создать дивизион береговой артиллерии из 3 заново укомплектованных батарей и передать их главнокомандующему вооруженными силами на Юге для отправки на СИЦИЛИЮ в случае надобности.

3) Любые другие требования главнокомандующего вооруженными силами на Юге должны выполняться только после осуществления вышеуказанных мер, если не будет нового специального приказа.

Б. 1) Генеральный штаб сухопутных войск сообщит верховному командованию союзных сил / оперативному управлению главного штаба вооруженных сил:

(а) Предполагаемое вооружение полков укрепрайонов противотанковыми орудиями (с указанием калибра) и другим тяжелым оружием (включая пехотные гранатометы).

(б) Распределение противотанковых орудий по калибрам среди других вновь созданных подразделений и требуемое пополнение.

(в) Сроки, в которые подразделения усиления будут готовы к отправке.

2) Верховному командованию вооруженных сил сообщить оперативному управлению главного штаба вооруженных сил о готовности к отправке подразделений береговой артиллерии.

3) Ответственность за быстрейшую переброску указанных подкреплений возлагается на главный штаб (отдел зарубежных операций),

(Подпись) К е й т е л ь

Верховное командование вооруженных сил,

Оперативное управление главного штаба вооруженных сил,

№ 002820. Совершенно секретно.

Примечания

{1} Военные хитрости (франц.)

{2} Лофотенские острова находятся у побережья Норвегии. — Прим. ред.

{3} Имеется в виду пьеса Луиджи Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора». — Прим. ред.

{4} Mincemeat — начинка (англ.)

{5} Прозвище фельдмаршала Генри Вильсона

{6} Медаль, выдаваемая американским военнослужащим за ранения, полученные в бою. — Прим.ред.

{7} Диверсионно-десантные части морской пехоты. — Прим. ред.

{8} Трюк, ловкая шутка (франц)

{9} Вероисповедание римско-католическое

{10} Письмо лорда Маунтбэттена адмиралу, Каннингхэму

{11} Сладостно и благородно умереть за Родину. Покойся в мире (лат.)

{12} Канарис — начальник военной разведки и контрразведки гитлеровского вермахта. — Прим. Ред

{13} Дорогой гроссадмирал (нем.)

{14} См Приложение I

{15} См Приложение II